

*До
того как*

18+

АННАТОДД

NEW YORK TIMES BESTSELLING AUTHOR

После

Анна Тодд
До того как

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Тодд А.

До того как / А. Тодд — «Эксмо», 2015 — (После)

ISBN 978-5-699-87707-2

Отношения Хардина и Тессы – бурные, страстные – не всегда были безоблачными. Что пережили, через что прошли «современные мистер Дарси и Лизи Беннет» до того, как стать Хессой – людьми, которые чувствуют друг друга, думают в унисон и живут друг для друга? Ведь все начиналось совсем непросто. Да и могли ли отношения «плохого парня» и «хорошей девочки» с самого начала напоминать идиллию? Интересно, что об этом расскажет сам «плохой парень».

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-699-87707-2

© Тодд А., 2015

© Эксмо, 2015

Содержание

Часть первая. До	6
Натали	8
Молли	12
Мелисса	17
Стеф	21
Часть вторая. Во время	25
Хардин	25
1	27
2	29
3	31
4	34
5	40
6	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Анна Тодд До того как

Anna Todd
Before

© Абдуллин Н., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

*Моим замечательным читателям, которые даже не
подозревают, какое дарят мне вдохновение*

Плей-лист Хессы

The Fray, «Never Say Never»

Imagine Dragons, «Demons»

The Civil Wars, «Poison & Wine»

Эд Ширан, «I'm a Mess»

The 1975, «Robbers»

One Direction, «Change Your Ticket»

Уикенд, «The Hills»

Эндрю Белл, «In My Veins»

The Cab, «Endlessly»

Хэлси, «Colors»

Келли Кларксон, «Beautiful Disaster»

Passenger, «Let Her Go»

A Great Big World, ft. Кристина Агилера, «Say Something»

Хантер Хейз, «All You Ever»

Bon Iver, «Blood Bank»

One Direction, «Night Changes»

Рон Поуп, «A Drop in the Ocean»

Джон Мэйер, «Heartbreak Warfare»

Джон Маклафлин, «Beautiful Disaster»

One Direction, «Through the Dark»

Coldplay, «Shiver»

Kodaline, «All I Want»

Сия, «Breathe Me»

Часть первая. До

В детстве мальчик часто думал, кем станет, когда вырастет. Полицейским? Учителем?

Мамин хахаль Вэнс зарабатывал тем, что читал книги. Вот ведь работа!.. Насчет собственного будущего мальчик сомневался, поскольку талантами не обладал. Не умел петь, как Джосс, его одноклассник; не умел складывать и вычитать большие числа, как Анжела; не умел выступать перед классом, не то что смешной и горластый Кэлвин. Зато ему нравилось читать книги. Каждую неделю Вэнс приносил книгу, а то и две; если Вэнс подолгу не приходил, мальчик от скуки принимался перечитывать потрепанные томики любимых авторов, не теряя веры, что однажды добрый человек все же принесет еще. Мальчик рос, прибавляя по дюйму в две недели, и становился умнее с каждой прочитанной книгой.

Менялись и родители: отец чаще орал и напивался; мать уставала и плакала по ночам все отчаянней. В стенах маленького дома витал крепкий запах табачного дыма и чего похуже. В мойке на кухне копилась посуда, а дыхание отца разило скотчем. Шли месяцы, и мальчик порой забывал, как отец выглядит.

Хотя Вэнс стал заглядывать чаще, мальчик едва ли заметил, как изменились по ночам стоны матери. Он завел друзей, то есть друга. Со временем друг переехал, и мальчик не стал заводить новых приятелей. Ему и так было неплохо.

В ночь, когда пришел незнакомец, мальчик полностью изменился – увидев, что человек сделал с матерью. Мальчик загрубел и озлобился. Отец постепенно стал чужим, а вскоре и вовсе перестал приползать в их маленький грязный домишко. Когда отец исчез, мальчик испытал облегчение: никакой больше выпивки и сломанной мебели. Отец оставил после себя лишь мальчишку-безотцовщину и гору полупустых сигаретных пачек в гостиной.

Мальчику не нравился вкус дыма, зато нравилось, как дым наполняет легкие. Вскоре он все выкурил и начал сам покупать сигареты. Завел друзей – если, конечно, друзьями можно назвать шпану, от которой одни неприятности. Мальчик стал пропадать по ночам. Безобидные поначалу ложь и проделки превратились в серьезные правонарушения. Ребята понимали, что поступают плохо – очень и очень плохо, – но им было весело. Они ощущали свободу и силу, в жилах бурлила кровь. С каждой украденной невинностью сердце билось сильнее; голод рос, росла и смелость, ощущение безнаказанности.

Мальчик оставался в компании самым мягким, хотя и утратил то, что некогда заставляло его мечтать о карьере пожарного или учителя. Он развил в себе странное отношение к женщинам: ему хотелось их ласк, и в то же время он сторонился эмоциональной близости. Даже маме он перестал говорить простое: «Я тебя люблю». В принципе, он и дома-то почти не появлялся. Дом теперь стал местом, куда приходят посылки. Посылки из штата Вашингтон, от Вэнса.

Вэнс его тоже бросил.

Мальчик нравился девочкам. Те вешались на него, глубоко впиваясь ему в плечи ногтями, а он им врал, целовал их и трахал. После секса он не ласкал их, спеша убраться, пока они не отдышались. Днем веселился, а ночью отрывался. Тусил в переулке позади винной лавки или в магазинчике папаши Марка, прожигал жизнь. Обносил винные лавки, снимал непростибельное домашнее порно. Он перестал что-либо чувствовать, кроме гнева и высокомерия.

Наконец матери осточертело его поведение; больше не хватало ни средств, ни терпения. Отцу предложили работу в университете, в Штатах. Точнее в штате Вашингтон. Там же, где жил Вэнс, в одном с ним городе. Добрый человек и плохой вновь сошлись в одном месте.

Мать, наверное, думала, что сын не подслушает, как она договаривается с отцом – договаривается, чтобы сбегать его. Папаша образумился и завел себе подружку, милую женщину, которой мальчик завидовал: отец ей достался в хорошей форме. С подружкой он ужинал на трезвую голову, подружке говорил ласковые слова.

Перебравшись к отцу, мальчик – невзирая на уговоры – поселился в общежитии. Само жилье ему не сильно понравилось, зато появилась приличная комната, своя. Какое облегчение. Дома, в Хэмпстед, у мальчика была каморка вдвое меньше размером; ванная там кишела жуками, и негде было пристроить книги.

Поначалу он держался особняком, не торопясь заводить друзей. Толпа вокруг него собралась не сразу, и мальчик снова встал на скользкий путь.

В Америке он встретил практически полного своего двойника Марка и решил, что в жизни все идет своим ходом. Смирился с постоянным одиночеством. У него хорошо получалось причинять людям боль. Он обидел еще одну девушку, ощутив потом, как вверх и вниз по спине ходит дикая волна разрушительной энергии. Мальчик запил – как до того пил отец, худший из лицемеров.

Мальчику, впрочем, было плевать. Он очерствел, а друзья помогали забыть, что ничего стоящего в жизни нет.

Натали

Встретив голубоглазую брюнетку, он понял, что жизнь приготовила новые испытания. Это было самое кроткое и доброе создание, какое он встречал... А девушка в него влюбилась.

Выдернув Натали из чистого и безупречного мирка, мальчик бросил ее жизнь в темный и безжалостный мир. Из-за его бессердечия девушка стала изгоем; сперва ее выгнали из церкви, потом и из дома. Среди фанатичных, помешанных на религии соседей поползли злые сплетни. Девушка ошиблась в мальчике, приняв его за того, кем он быть никогда не сможет, и осталась одна.

Чаша терпения матери переполнилась, и она отправила сына в Америку, в штат Вашингтон, поближе к отцу. Родной Лондон окончательно отказался от него. Мальчик наконец обрел одиночество.

* * *

Церковь переполнена, на скамьях нет свободного места. Все собрались жарким июльским днем воздать хвалу Господу. Так каждую неделю приходят одни и те же люди, которых я помню по именам и фамилиям.

В этом маленьком приходе моя семья – как короли.

Младшая сестренка сидит рядом, в переднем ряду, и ковыряет старое расщепленное дерево скамьи. Недавно церковь получила грант на ремонт интерьера, а мы, молодые, собираем пожертвования. На этой неделе нам поручено найти краску и обновить скамьи. Я вечерами ходила от одного магазина хозяйственных товаров к другому.

Словно в подтверждение тщетности моих усилий, раздается тихий щелчок – Сесили оторвала щепку. Ногти у нее окрашены в розовый, в тон бантику в темно-каштановых волосах, но сколько же в ней тяги к разрушению!

– Сесили, не надо, нам их на следующей неделе красить. – Бережно беру ее за маленькие ручонки, и она слегка дуется. – Можешь вместе с нами их покрасить, и они будут как новые. Тебе же нравится красить?

Улыбаюсь, и сестренка улыбается в ответ. У нее нет одного зубика, и это смотрится очень мило. Сесили кивает, тряхнув кудряшками. Мама эти кудряшки ей все утро накручивала.

Пастор заканчивает проповедь, и мои родители, взявшись за руки, идут в переднюю часть церкви. В голове гудят слова о грехе и вечных муках, а по спине скатываются капельки пота. В церкви так жарко, что у мамы уже потекли тоналка и тушь. На следующей неделе поставят кондиционер... по крайней мере, должны поставить. Даже я не выдержу службы в такой духоте. Скажусь в следующий раз больной и не приду.

После службы мама подходит к жене пастора поговорить. Мама восхищается этой женщиной, очень, пожалуй, даже чересчур. Полин, первая леди нашей церкви, весьма суровая особа, не обремененная сочувствием к окружающим. Потому, наверное, маму и тянет к ней.

Машу рукой Томасу, единственному моему ровеснику в молодежной группе. Проходя мимо, он – вместе с семьей, спешащей с остальными на свежий воздух, – машет мне в ответ. Я утираю потные ладони о бледно-голубое платье.

– Отведешь Сесили к машине? – просит папа, улыбаясь мне с пониманием.

Он хочет отвлечь маму от разговора. Мама – из тех женщин, что могут с тобой три раза попрощаться, но продолжают после этого говорить, говорить, говорить...

Тут я в папу: он может сказать всего пару слов, и в них будет содержания куда больше. Папа, кстати, очень гордится, что я вся в него: мне достались его тихий нрав, темные волосы, светло-голубые глаза (самые заметные черты) и даже рост. Точнее, отсутствие роста: мы едва

ли достигаем пяти с половиной футов, хотя папа все же чуточку выше меня. Мама дразнит, что Сесили годам так к десяти перерастет нас обоих.

Кивнув папе, беру сестренку за руку. Она забегает вперед, маленькая и юркая, протискивается к выходу через толпу. Хочу остановить ее, но Сесили оборачивается и одаривает меня широкой улыбкой. Остается бежать за ней следом. Проносимся вниз по крыльцу, летим к лужайке. Сесили огибает пожилую пару и с визгом уходит от столкновения с Тайлером Кентоном, самым вредным мальчишкой в приходе. Я смеюсь. Солнце ярко светит в глаза, воздух наполняет легкие. Бегу все быстрее, пока Сесили, споткнувшись, не падает на газон. Опускаюсь рядом на колени, убираю волосы у сестренки с лица. На глазах у Сесили набухают слезы, нижняя губа дрожит.

– Платье... – Белое платьишко и правда в зеленых пятнах от сока травы. – Пропало!

Она хочет спрятать личико в грязные ладошки, но я перехватываю ей руки.

– Ничего оно не пропало, – улыбаясь, тихо говорю я. – Отстираем.

Пальцем утираю слезинку у нее со щеки. Сестренка хлюпает носом, не верит.

– У меня такое уже бывало. Раз тридцать, наверное, – заверяю Сесили, лгу ей.

Она с трудом улыбается и отвечает:

– Неправда. – Ну вот, раскусила.

Тогда я обнимаю ее и помогаю встать. Оглядываю ее бледные ручонки: не пропустила ли чего, нет ли царапины. Веду Сесили обратно к церкви, на парковку. Родители как раз вышли; значит, папе наконец удалось оторвать маму от сплетен.

По дороге домой мы с Сесили сидим на заднем сиденье, и я рисую маленьких бабочек в ее любимой раскраске. Папа с мамой обсуждают проблему: к нам в мусорные баки повадились лазить еноты. Наконец он останавливается на подъездной дорожке, но мотор не глушит. Сесили целует меня в щеку и вылезает из салона. Я обнимаю маму, папа треплет меня по щеке и позволяет сесть на водительское место.

– Ты сегодня давай аккуратней, мушка, – говорит папа. – Солнце светит, людей на улице много.

Он щурится и прикрывает глаза ладонью. Денек и впрямь солнечный, такого давненько в Хэмпстед не было. Жара была, да, но не солнце. Кивнув, обещаю папе быть осторожной.

Покинув пределы района, переключаю радио на другую волну и прибавляю громкость. Подпеваю исполнителям по дороге в центр города. Мне нужно посетить три магазина и собрать с каждого владельца по три банки краски. В общем-то, и по одной получить – уже радость, однако я задалась целью собрать именно по три. Тогда хватит покрасить в церкви все, что надо.

Первый магазин на пути – «Малая лавка Марка», самый дешевый в городе. У владельца очень хорошая репутация. Парковка почти пуста, на ней только старинная машина цвета «яблоко в карамели» да минивэн. Сам магазин старый, вывеска погнута. Открываю скрипучую дверь, звенит колокольчик. С картонной коробки мне под ноги спрыгивает кот. Погладив этот меховой комочек, иду к стойке.

Внутри так же неопрятно, как и снаружи. В таком бардаке я не сразу примечаю парнишку за стойкой, а увидев, немного пугаюсь. Он высокий, широкоплечий, словно годами занимался спортом.

– Марк... – начинаю я и запинаюсь, забыв фамилию. Все зовут его просто Марк.

– Я Марк, – произносит кто-то из-за спины парня-спортсмена. Заглядываю ему за спину и вижу другого парня – тот сидит в кресле позади стойки. Одетый во все черное, он смотрится хуже помощника, но в то же время кажется крупней. Длинные черные волосы падают ему на глаза. На руках у него татуировки, словно пятна растекшихся в море смуглой кожи чернил.

Мне такие, как он, не нравятся, но вместо того, чтобы мысленно осудить парня, я про себя отмечаю, какие все вокруг загорелые.

– Не он, а я, – звучит третий голос. Рядом со вторым мальчиком еще один, среднего роста, худощавый, стриженный под машинку. – Я, правда, Марк-младший. Если ты к моему старику, то его сегодня нет.

У третьего парня тоже татуировки, но они куда упорядоченней, чем у его патлатого приятеля. А еще у него проколота бровь. Помню, как однажды попросила разрешения у родителей проколоть пупок. До сих пор смешно вспоминать их испуганные лица.

– Зато он лучший из двух Марков, – медленно и нараспев, глубоким голосом произносит патлатый. Улыбается, и на щеках у него появляются симпатичные глубокие ямочки.

Едва ли это заявление – правда. Я смеюсь и, дразня мальчишек, говорю:

– Что-то сомневаюсь.

Ребята тоже смеются, и Марк-младший подходит ближе.

Патлатый встает из кресла. Какой он высокий! Подходит ближе, смотрит на меня сверху вниз. Он привлекательный, у него волевое лицо: резко очерченная челюсть, густые ресницы и брови. Нос – тонкий, губы – бледно-розовые. Смотрю на него, он – на меня.

– Ты к моему отцу по делу? – спрашивает Марк.

Отвечаю не сразу; Марк с приятелем-спортсменом смотрят то на меня, то на своего патлатого друга.

Смущенная, перехожу к делу:

– Я пришла от имени баптистской церкви Хэмпстеда, хотела узнать, не желаете ли пожертвовать краски или других материалов. Мы ремонтируем церковь и нуждаемся в помощи...

Ребята шушукаются. Потом разом оборачиваются ко мне и улыбаются.

Первым заговаривает Марк:

– Мы совершенно точно можем помочь.

Улыбка у него какая-то кошачья, но я, улыбаясь в ответ, благодарю его.

Марк оборачивается к приятелю, у которого на бицепсе вытатуирован огромный корабль.

– Хардин, сколько там банок краски?

Хардин? Какое странное имя. Никогда не слышала.

Из-под черных рукавов футболки у Хардина выглядывает нижняя половина деревянного судна. Красивая накладка, детализированная, объемная. Глядя ему в лицо, я ненадолго задерживаю взгляд на губах. Щеки у меня, похоже, разругались. Хардин тоже смотрит на меня, понимает, что я его рассматриваю. Тогда он переглядывается с Марком, и тот ему что-то шепчет.

– У меня есть предложение, – говорит Марк, кивнув Хардину.

Вот как? Хардин кажется мне необычным, немного неправильным, но не отталкивающим.

– Какое предложение?

Накручиваю кончик локона на палец. Хардин по-прежнему смотрит на меня. Он какой-то замкнутый, я чувствую это. Этот мальчик, что из кожи вон лезет, стараясь выглядеть крутым, становится мне любопытен. С досадой думаю, что скажут родители, приведи я его в дом. Мама считает татуировки воплощением зла, с чем я не согласна.

Марк чешет безволосый подбородок.

– Я дам десять галлонов краски, если сходишь на два свидания с моим другом Хардином.

В уголках губ у Хардина играет улыбка. А у него и впрямь красивые губы. Слегка женские, черты его лица смотрятся привлекательней, чем черная одежда и патлы. Так я ему нравлюсь? Они с Марком об этом шептались?

Пока я думаю, Марк поднимает ставку:

– Любого цвета, на выбор. Бесплатно. Десять галлонов.

А он умеет торговаться.

Прищелкнув языком, сбиваю цену:

– Одно свидание.

Хардин смеется. Кадык у него так и ходит вверх-вниз, ямочки на щеках становятся глубже. Какой же он сексуальный! Поверить не могу, что сразу этого не заметила. Сосредоточилась на задании и в искусственном свете ламп не увидела, какого насыщенного зеленого цвета у него глаза.

– Одно свидание, согласен.

Сказав так, Хардин прячет руку в карман, а Марк смотрит на бритого друга.

Внутренне ликуя, улыбаюсь и начинаю перечислять, какие краски мне нужны для скамей, стен, лестниц – и все это время стараюсь не выдать, что уже предвкушаю свидание с Хардином, с этим замкнутым, патлатым мальчиком, таким невинным и стеснительным, что он готов отдать десять галлонов краски за свидание.

Молли

Когда он был маленький, мама рассказывала про опасных девчонок. Если девочка бежит от тебя, ты ей нравишься, очень сильно. Мальчиков так и учат: преследовать, догонять. Когда настырные мальчики подрастают, они узнают: чаще всего, если ты не нравишься девочке, то ты ей просто не нравишься.

Эта девочка росла без примера для подражания. Ее мать хотела всего и сразу, чего жизнь не могла дать, и потому девочка узнавала о поведении мужчин из окружения.

Когда она выросла, то быстро уяснила правила игры и сделалась настоящим гроссмейстером.

* * *

Оправив платье, сворачиваю в темный переулок. Ажурная ткань трещит, и я снова мысленно себя ругаю.

Приехала на электричке в центр города в надежде... на что?

Сама не знаю, но мне опротивело ощущение пустоты. Оно заставляет выделять такое, о чем и помыслить-то страшно. Однако по-другому мне эту дыру в душе не заткнуть. Когда мужики едят меня глазами, удовлетворение приходит и уходит. Они думают, что имеют право на мое тело, потому что я намеренно одеваюсь так соблазнительно. Уроды, они ошибаются; я играю на их похоти, кокетливым взглядом побуждая к нужным мне действиям. Достаточно застенчиво улыбнуться одинокому мужику, и делай с ним что хочешь.

Я не могу без внимания, и мне от этого тошно. Но без него мне не просто больно; эта жажда – как пылающий ожог.

Огибаю очередной угол, и тут меня догоняет черный автомобиль. Мужчина за рулем сбавляет ход, я отворачиваюсь, смотрю в сторону. Темный переулок петляет на задворках одного из богатейших районов Филадельфии. Улицы обрамляют магазины, у каждого из которых имеется собственный черный ход.

На главной улице водятся деньги, а не приличия.

– Хочешь прокатиться?

Стекло опускается с тихим жужжанием. У мужчины за рулем небольшие морщины, песочные волосы с проседью аккуратно причесаны и разделены по пробору. Улыбка очаровательная, да и выглядит мужик для своих лет прилично, однако в голове у меня звучит тревожный сигнал. Он звучит всякий раз, каждые выходные, когда я, словно зомби, совершаю эти, казалось бы, беспельные прогулки. Улыбка у мужика такая же фальшивая, как и моя сумка «Шанель». Улыбка его рождена деньгами, теперь-то мне это ясно. У мужчин в черных машинах, чистых и лоснящихся в лунном свете, есть деньги, зато нет совести. Их жены не дают им неделями – если не месяцами, – вот они и выбирают на улицы в поисках того, чего лишены.

Правда, деньги мне его не нужны. Деньги есть у родителей, с избытком.

– Я не проститутка, ты, больной урод! – Ногой в туфле на платформе ударяю по дверце дурацкой блестящей машины. На пальце у мужика что-то поблескивает.

Проследив за моим взглядом, он прячет руку под рулевым колесом. Вот сволочь.

– Неплохая попытка. Езжай домой к жене. Твои отмазки давно уже не работают, я уверена.

Иду себе дальше, а он кричит что-то вслед. Слова эхом разносятся во тьме по переулку. Оглядываться даже не думаю.

Понедельник, десятый час ночи, на дороге никого. Огни горят неярко, стоит тишина. Прохожу мимо ресторана, над крышей которого клубится пар. Сильно пахнет углем, и я вспоминаю барбекю во дворе у семьи Кертиса – давно, еще когда они были мне как родные.

Моргнув, прогоняю воспоминания и улыбаюсь в ответ женщине среднего возраста в переднике и поварском колпаке. Она вышла перекурить. Ярко вспыхивает огонек зажигалки. Женщина затягивается, и я снова ей улыбаюсь.

– Ты здесь поосторожней, девочка, – предупреждает она скрипучим голосом.

– Я всегда осторожна, – отвечаю и машу ей рукой.

Покачивая головой, женщина глубоко затягивается. Кончик сигареты, зардевшись, потрескивает. Табачный дым наполняет прохладный воздух. Наконец женщина бросает окурочек и с силой затаптывает его.

Иду себе дальше. Становится холоднее. Мимо проезжает еще машина, и я прижимаюсь к стене. Машина черная... приглядываюсь и понимаю, что это та черная блестящая тачка. По спине пробегают мурашки, а машина сбавляет ход. Под колесами хрустит мусор.

Ускоряю шаг и отхожу за мусорный бак, чтобы хоть как-то отгородиться от преследователя. Ноги сами собой несут меня дальше.

Не понимаю, с чего я такая мнительная сегодня. Я ведь каждые выходные мотаюсь в город на прогулки. Надеваю жуткое мешкообразное платье, целую папу в щеку и прошу денег на проезд. Он хмурится и напоминает, что жизнь коротка и надо к чему-то стремиться. Если бы в жизни все было просто, я бы не переодевалась по-быстрому, когда приезжаю в город, не прятала платье в сумочку и доставала снова на обратном пути.

Стремиться к чему-то. Как будто это так просто.

– Молли, – талдычит папа, – тебе семнадцать. Пора вернуться к реальной жизни, иначе упустить лучшие годы жизни.

Если это – лучшие годы, то жить дальше смысла не вижу.

Слушаю папу и киваю ему, улыбаясь, а мысленно желаю, чтобы он наконец перестал сравнивать мою потерю со своей. Наша мама хотела уйти.

Сегодняшняя ночь какая-то особенная. Наверное, потому, что тот же самый мужик пристаёт ко мне второй раз за последние двадцать минут.

Срываюсь на бег, позволяя страху унести меня по разбитой дороге к оживленной улице. Незаметно для себя вылетаю на проезжую часть, и мне сигналист такси. Спешу отскочить на тротуар, отдышаться.

Надо домой. Быстро. В груди горит; я, задыхаясь, жадно втягиваю холодный воздух. Озираюсь по сторонам.

– Молли? – раздается позади меня женский голос. – Молли Сэмюелс, это ты?

Оборачиваюсь и вижу ту, с кем точно сейчас не хотела бы встретиться. С трудом подавляю желание броситься прочь. Женщина идет ко мне, неся в каждой руке по бумажному пакету из продуктового магазина.

– Что ты здесь делаешь, да еще так поздно? – спрашивает миссис Гаррет. На щеку ей падает выбившаяся прядка волос.

– Так, гуляю, – говорю я, одновременно пытаюсь оттянуть подол платья пониже.

– Одна?

– Вы тоже одна, – замечаю, отнюдь не оправдываясь.

Вздыхнув, она берет оба пакета в одну руку.

– Идем, садись ко мне в машину, – говорит миссис Гаррет и направляется к припаркованному на углу коричневому фургону.

Нажав кнопку на брелоке, открывает замок. Я нерешительно опускаюсь на пассажирское место. Уж лучше сесть к миссис Гаррет, которая отнесется ко мне с осуждением, чем к тому типу в черной машине, который не принимает отказов.

Моя сегодняшняя спасительница садится на место водителя. Некоторое время смотрит прямо перед собой и лишь затем произносит:

– Нельзя всю жизнь этим заниматься. – Голос ее звучит твердо, зато руки дрожат.

– Я не...

– Не надо делать вид, будто ничего не произошло. – Она явно не настроена вести милую светскую беседу. – Ты прежде так ни разу не одевалась. Отец не одобрил бы. Ты же блондинка, а выкрасила волосы в розовый. Разгуливаешь тут ночью, совсем одна. Знаешь, я ведь не первая тебя заметила. Джон, с которым мы ходим в одну церковь, тоже тебя видел на днях. Всем потом рассказал.

– Я...

Взмахом руки она велит мне молчать.

– Я еще не закончила. Твой отец говорит, что ты теперь в штат Огайо мотаешься. И это после стольких лет, что вы были с Кертисом... Вы же хотели быть вместе.

Как ножом по сердцу. Миссис Гаррет пробивает прочную скорлупу, в которой я так уютно устроилась. Ломает защиту из плотной пустоты. Перед мысленным взором встает лицо ее сына, в ушах звучит его голос.

– Хватит, – сквозь боль говорю я.

– Нет, Молли.

Миссис Гаррет взволнована. В ней словно запечатаны бутылки с бурлящими чувствами, которые за последние полгода как только ни трясло, и вот они готовы взорваться.

– Это был мой сын, – говорит она, – так что не надо делать вид, будто тебе больнее, чем мне. Я потеряла ребенка – единственного ребенка, – а сейчас смотрю на тебя, милая Молли, и вижу, как ты пропадаешь... Ты росла у меня на глазах, и я больше не буду молчать. Ты просто обязана поступить в колледж и убраться к чертям из этого города, как вы с Кертисом и планировали. Жить дальше. Мы все должны жить дальше, и уж если получится у меня – как бы трудно это ни было, – то и тебе удастся.

Наконец она умолкает. Чувство, будто внутренности мне завязали узлом. Миссис Гаррет всегда была тихоней, говорил в основном ее муж; теперь ее прорвало. Ее голос обрел необычайную твердость, решительность. У меня и самой сердце кровью обливается при мысли, во что я превратила собственную жизнь.

Но ведь за рулем тогда была я.

Мне оставался день до получения прав, и я согласилась сесть за руль пикапа Кертиса. Мы были так возбуждены, а Кертис улыбался так убедительно... Я любила его всеми фибрами души, и когда он погиб, меня словно разорвало на лоскуты. В Кертисе я находила покой, уверенность, что я не кончу, как моя мать. Она родилась не для того, чтобы просто стать женой, заложницей большого дома в престижном районе. Дни напролет она занималась живописью, танцевала и пела, обещая, что однажды мы с ней уберемся из нашего серого городишки.

– Я сумею убедить твоего папу, – говорила она. – Мы здесь не умрем.

Правда, сдержала она обещание лишь наполовину – ушла два года назад, на рассвете. Не могла, наверное, и дальше справляться со стыдом от того, что она всего лишь мать и супруга. Мало какая женщина стыдится такого, но моя мама – случай особый. Она хотела внимания, известности. Не добившись славы, она винила меня, хотя не желала в том признаваться. Стыдилась меня, постоянно напоминая, что я сделала с ее телом. Мать часто рассказывала, каким ее тело было до родов. Как будто я сама решила появиться из ее утробы.

Хоть я и мешала ее мечте осуществиться, мать обещала мне мир. Рассказывала о больших и ярких городах и огромных билбордах, на которых, как она думала, должны быть ее изображения.

Как-то ранним утром, после очередных рассказов о мире накануне вечером, я увидела через толстые металлические балясины на лестнице, как мама катит чемодан к двери по устлан-

ному ковром фойе. Она накрутила и уложила феном. Наверное, вылила себе на голову половину баллончика с лаком. Переступив порог, она обернулась посмотреть последний раз на красиво обставленную гостиную. Закрыла за собой дверь и, наверное, с облегчением прислонилась к ней по ту сторону, улыбаясь так, словно получила путевку в рай.

Я не плакала. Просто спустилась на цыпочках в гостиную, стараясь запомнить лицо мамы, ее слова и поступки. Я хотела помнить все: наши игры, беседы, объятия. Даже тогда я сообразила: жизнь меняется. В окно гостиной я видела, как мама садится в машину. Глядя на подъездную дорожку, я осознала, что мама всегда была ненадежной. Отец, может, и боялся уехать из родного города, где у него была потрясающая работа, зато он, черт побери, надежен.

Миссис Гаррет осторожно касается кончиков моих волос.

– Если выкрасить голову розовой пищевой краской, это не изменит случившегося.

Забавно она высказалась.

– Я покрасила волосы не потому, что ваш сын истек кровью у меня на глазах, – резко говорю я, вспомнив, как сильно напомнила кровь стекающая в раковину насыщенно-розовая краска.

Отталкиваю ее руку. Да, мои слова грубы, но кто она такая, чтобы судить меня?

Пережевывая услышанное, миссис Гаррет, должно быть, представляет изуверенное тело Кертиса, с которым я два часа просидела в машине, прежде чем прибыла помощь. Я безуспешно пыталась порвать его ремень безопасности. От удара металл погнуло так, что я не могла пошевелить руками. Я закричала, когда кожу мне распорол зазубренными краями. Мой возлюбленный сидел неподвижно, не издавая ни звука, а я кричала на него, на машину, на все мироздание.

Свет померк, когда Кертис побледнел и обмяк. Сегодня я благодарна, что потеряла тогда сознание, и мне не пришлось смотреть на то, что больше не было моим возлюбленным, в тщетной надежде на чудо.

Миссис Гаррет, тихонько вздохнув, заводит мотор и трогается с места.

– Я понимаю, тебе больно, Молли... как никто другой, понимаю. Я пытаюсь жить дальше, но ты губишь себя из-за того, что никак не могла предотвратить.

Сбитая с толку, я принимаюсь сосредоточенно водить по ручке на дверце.

– Не могла предотвратить? Я вела машину! – Как наяву слышу скрежет металла. – Его жизнь была в моих руках, и я его убила.

Кертис воплощал жизнь, от него исходили свет и тепло, он любил все на свете. Мог радоваться даже самым простым и незатейливым вещам. Мы были совсем не похожи: я относилась ко всему намного циничней, особенно после ухода мамы. Однако Кертис всегда меня слушал, всякий раз, как я сдуру совершала очередную ошибку. На свой день рождения он помогал моему отцу прибираться в маминой мастерской – я тогда расплескала черную краску по драгоценным полотнам. И Кертис не спрашивал, почему я так часто желала матери сдохнуть.

Он не осуждал меня, помогал держаться. Без него я бы расклеилась. Я всегда думала, что только благодаря ему сумею окончить колледж и завести друзей в новом городе. Мне трудно скрывать от людей, что я о них думаю, и потому друзья для меня – редкость. Кертис заверял: это нормально, просто я болезненно честный человек, и роль лжеца в наших отношениях на себя возьмет он. Кертис притворялся своим среди мажориков из школы. Он был милым, его все любили, я же была его «плюс один». Однако нас привыкли видеть вместе, и постепенно люди привыкли и к моему поведению. Чары Кертиса все компенсировали. Он стал для меня единственным светлым моментом в жизни. Он единственный принимал меня и любил, однако и он покинул меня. По моей же вине. Совсем как мама, уставшая от нашего городка, от серости моего папы и от дочери-блондинки с розовым бантиком в волосах.

Нужда притворяться нормальной исчезла вместе с естественным цветом волос – уткнулась в мойку вместе с излишками розовой краски.

– У меня есть влиятельный друг на западе Вашингтона.

Я чуть не забыла, где нахожусь. За какие-то десять минут я мысленно пережила все самое плохое, что со мной было.

– Могу попросить его, он надавит где надо, пристроит тебя в приличный колледж. В столице хорошо. Свежо и зелено. Учебный год начался, но если ты захочешь, я постараюсь.

Вашингтон? Что я там забыла?

Надо ли оно мне, поступать в колледж? Пока не знаю. Однако из нашего богом забытого города убраться точно хочу. Может, и стоит согласиться на предложение миссис Гаррет. Раньше я мечтала о других городах. Мама рассказывала про Лос-Анджелес, какая там идеальная погода. Рассказывала про Нью-Йорк, про оживленные улицы. Рассказывала про гламурные районы, в которых хотела бы поселиться. Если уж она могла устроиться в одном из них, то и я смогу прижиться в Вашингтоне.

Правда, он на другом конце страны. Папа останется совершенно один... хотя, может, это ему на пользу? Он так волнуется за меня, пытается осчастливить, что у него почти не осталось друзей. Занялся бы лучше собой, наладил бы жизнь...

Кто знает, вдруг и я заведу друзей? В большом городе розовыми волосами никого не напугаешь, да и откровенные наряды не покажутся страшными.

Начну все заново, и миссис Гаррет будет гордиться.

Тогда и Кертис смог бы мною гордиться.

Может, Вашингтон для меня – то, что доктор прописал?

И вот, сидя в машине с матерью моего погибшего возлюбленного, я клянусь, что стану лучше.

Не буду мотаться по ночам в злачные районы.

Не буду лелеять прошлое.

Не опущусь.

Займусь тем, что поможет построить новую жизнь, и плевать, что станут обо мне говорить.

Мелисса

При первой встрече он недооценил эту девушку. Он ничего не знал о ней тогда и мало что знает сейчас. Сперва он познакомился с ее братом. По ночам они вместе напивались, и постепенно становилось ясно, что брат Мелиссы – ужасный человек. Гад, прижившийся в кампусе и устроивший там себе охотничьи угодья.

Однако со временем он обнаружил слабость этого гада – его сестру, сильную, высокую, с черными-черными волосами и смуглой кожей. Возненавидев гада, парень заметил, как он трепетно относится к своей слабости, как трясется над сестрой, будто ничего и никого важнее в мире нет – кроме разве что его собственных изощренных фантазий. Убедив себя, что змей гордо распространяет повсюду гнусь, словно чума, которую надо остановить, парень начал составлять план.

Погань следовало пресечь, и девочке предстояло понести сопутствующий ущерб.

* * *

Пятничным вечером в доме пусто. Отец на банкете по случаю повышения в больнице, а все друзья – на другой вечеринке. Куда-то идти неохота.

Может, я и пошла бы на вечеринку с друзьями, но она состоится в общежитии, а там зависает мой брат. С ним не потусишь, он вечно меня опекает, а это достает.

Идти на банкет тоже не вариант. Мой отец – самый престижный врач в городе, однако врач из него куда лучше, чем отец. Мне не сравниться с пациентами, на чьи деньги куплен этот гигантский дом, где я сижу и хандрю.

Ощувив небольшой укол совести, хватаю телефон и пишу папе: я все же приду, – потом соображаю: на часах десятый час, а банкет начался в восемь. Нет, я только всех отвлеку своим появлением и дам новый повод молоденькой подружке отца на меня пожаловаться. Таша всего на три года старше меня и с моим отцом встречается больше года. Я бы еще проявила понимание, если бы не училась с ней в одной школе. Таша – та еще стерва. Прикидывается, будто не помнит меня.

Она груба со мной, но я не жалуюсь папе. Он счастлив, Таша ему улыбается и смеется над его плоскими шутками. Да, она не любит отца так, как должна бы, но папа на глазах преобразился с тех пор, как Таша, со сломанным пальцем, вкатил к нему в кабинет свои буфера. Папа пережил развод тяжелее мамы. Она быстро всем раструблила, что возвращается к моим дедушке с бабушкой в Мехико, где и будет жить, пока не встанет на ноги. Не понимаю, кого она пытается одурачить: денег получила столько, что хватит на всю жизнь закупиться хрустальными туфельками.

Ладно, не буду тревожить папу и Ташу. Напишу-ка я Дэну. Он встречался с девочкой из моей школы. Правда, она, в отличие от меня, по-прежнему учится. Дэн тот еще козел, козел первостатейный. И дружки у него – тоже козлы, младше моего брата и еще хуже. Он окружает себя подонками, чтобы, наверное, ощутить себя чуточку лучше.

Отвечает Дэн быстро: заеду за тобой через двадцать минут.

Отправляю ему смайлик и высказываю из кровати. Надо подготовиться; я не накрашена, да и серая футболка с символикой универа не годится. Правда, слишком усердствовать тоже нельзя, иначе брат будет всю ночь выносить мне мозг.

Зарываюсь в гардероб, ворошу море черных платьев с блестками. Как же их много, даже чересчур. Мама всегда отдавала мне платья, надев их лишь раз. Папа пытался осчастливить ее, заваливая нарядами и даря красные машины. Правда, счастье что-то не приходило. Когда мама уезжала, то позвала с собой в Мехико. Заманчивое было предложение, но я не могла бросить

плавание и свою команду. В Вашингтоне для меня ничего важнее просто нет. Кроме папы и Дэна, я больше ни по кому не скучала бы. Дэн подумывал уехать, однако не захотел. Точнее не смог, ведь надо же за мной приглядывать.

Примерив парочку платьев, швыряю их обратно в шкаф и надеваю комбез, который еще ни разу не носила. Он практически полностью черный, если не считать принта на широких лямках, в меру облегающий и подчеркивает округлость попки и прикрывает большую часть тела, так что братец пусть не ворчит.

Только успеваю закончить, как снаружи раздается противный гудок клаксона. Приехал Дэн. Прихватив сумочку, сбегая вниз по лестнице. Если не поторопиться, соседи опять станут жаловаться на шум. Быстренько вбиваю код на панели сигнализации и вылетаю во двор. Подбежав к «Ауди» Дэна, вижу, что он прихватил с собой корешей.

– Логан, – говорит Дэн приятелю, – уступи ей переднее место.

С Логаном я общалась несколько раз. Как-то на вечеринке он решил за мной приударить. Я встала с дивана, и он, заметив, что я дюйма на четыре выше его, выдал: мы, типа, станем отличными друзьями. Я рассмеялась, впечатленная таким невинным подшучиванием. С тех пор Логан стал моим любимым членом банды придурков Дэна.

– Не парься, я сзади поеду. – Сажусь на заднее сиденье, рядом с другим парнишкой: длинные волнистые волосы; зачесанная набок, как у эмо-боя, челка отлично сочетается с пирсингом в губе и брови. – Привет, – говорю, а он даже не думает оторваться от телефона.

– Забей, – говорит Дэн, глядя на меня в зеркало заднего вида.

Закатив глаза, достаю телефон. Надо же чем-то занять себя на время поездки.

Возле общаги мест для парковки не осталось. Дэн предлагает сперва высадить меня, чтобы не пришлось потом топтать назад. Выхожу из салона и только закрываю дверь, как наружу выбирается тот странный паренек.

– Ах ты мудила! – орет Дэн.

Незнакомец показывает ему средний палец.

– Уверена, мой брат очень хотел, чтобы ты поехал с ним, – замечаю пареньку, когда мы идем по лужайке к общаге. Три девчонки пялятся на него; одна другой что-то шепчет, и все смотрят на меня.

– Есть проблемы? – спрашиваю, глядя в их размалеванные и перекошенные от зависти лица. Все три мотают головами: типа нет, ссоры они не хотят.

Терпеть не могу чопорных блондинок, которые сплетничают о других, лишь бы набить себе цену.

– Они, наверное, просто описались, – говорит эмо-бой. Какой у него глубокий голос и еще британский акцент. Точно-точно, я не ошиблась. Он замедляет шаг, но на меня не смотрит. Руки у него покрыты татуировками. Чернила черные и отлично сочетаются с черными джинсами и футболкой в тон.

Не поспеваю за ним: шагает парень широко, плюс сам по себе очень высокий. Выше меня.

– Почти наверняка, – говорю я, напоследок оборачиваясь на блондинок. Те переключились на пьяненькую девочку в коротеньком платье, что, шатаясь, идет мимо них.

Мы входим в комнату. Эмо-бой сразу идет на кухню, где, прихватив бутылку виски, откупоривает ее и делает глоток из горла. Мне он становится любопытен, и когда в гостиную заваливаются Дэн с Логаном, я решаю разузнать про татуированного незнакомца. Хватаю ведерко со льдом и направляюсь к братцу. Тот сидит на диване и посасывает пиво. От него уже тянет травкой, глаза налиты кровью.

– Кто ехал со мной на заднем сиденье? – спрашиваю.

– Ты про кого? – Он меняется в лице. – Про Хардина?

Он явно расстроен. И что за имя такое – Хардин?

– Держись от него подальше, Мэл, – предупреждает братец. – Я серьезно.

Я закатываю глаза. Лучше с Дэном на эту тему не спорить. Он и так не одобрил ни одного из моих парней, хотя сам пытался свести меня со своим дружкой, Джейсом – самым паскудным из его компании. Стандарты у моего братца такие же непостоянные, как настроение под кайфом.

Дэн хлопает рядом с собой по дивану, и я присаживаюсь. Народ постепенно напивается, входит в раж, проникается атмосферой. Музыка звучит все громче.

Через пару минут Логан предлагает Дэну пыхнуть еще раз, и тогда я оглядываю комнату в поисках Хардина. Нет, все-таки странное имечко.

Вон он, у стойки. Стоит один, с бутылкой в руке. Бутылка, кстати, заметно опустела.

Так, он не любитель гулянок. Это хорошо.

Встаю с дивана. Наверное, слишком резво встаю, потому что Дэн хватается меня за руку. Надо придумать отмазку, чтобы выйти из гостиной; если скажу, что иду к Хардину, Дэн последует за мной.

– Ты куда? – спрашивает братец.

– Писать хочу, – лгу я. Бесит, что он таскает меня по вечеринкам, а сам при этом трясется надо мной, как папаша.

Дэн смотрит на меня, пытаюсь определить, вру я или нет, но я отворачиваюсь. По пути к лестнице чувствую на себе его взгляд. Все уборные здесь на верхнем этаже. Бред какой-то, одно слово – общага.

Медленно поднимаюсь по ступенькам и на самом верху оборачиваюсь посмотреть на брата, затем иду дальше и... врезаюсь в черную стену.

Только это не стена, это Хардин.

– Черт, извини! – вскрикиваю я, одновременно пытаюсь смахнуть с его груди пролитый напиток. – Ну, хоть пятен не останется, – шучу.

Глаза у него ярко-зеленые, и взгляд такой пристальный, что я, не выдержав, отворачиваюсь.

– Ха-ха, – монотонно произносит Хардин.

– Брат велел держаться от тебя подальше, – не подумав, выпаливаю я. Ох уж этот его пронзительный взгляд, с ума сводит, однако отступать я не намерена. Похоже, Хардин к такому привык.

– Так и сказал? – переспрашивает он, выгнув проколотую бровь.

Да, точно, у него британский акцент. Хочется сделать замечание, но я по себе знаю, как достает, когда люди постоянно напоминают о твоей манере речи.

Киваю, и британец продолжает:

– Почему же?

Не знаю, но... знать хочу.

– Должно быть, ты очень нехороший человек, – шучу я.

Он не смеется.

Я напрягаюсь. Энергетике Хардина невозможно противиться.

– Если судить людей так, как судит Дэн, то нам всем капец, – говорит он.

Инстинктивно мне хочется вступить за брата, сказать, что он не плохой, просто его не так понимают.

Впрочем, мне вспоминается день, когда к нам заявила семья последней из подружек Дэна: бедная беременная девочка пряталась за спиной разгневанного отца. Мой папа выписал чек, и они скрылись; о неожиданном племяннике – или племяннице – я больше не слышала.

Мамы нет, папа целиком занят Ташей; кроме Дэна, у меня никого нет.

Я смеюсь.

– Уверена, ты намного лучше.

– Нет. – Хардин убирает с лица челку. – Хуже.

Глядя мне в карие глаза, он говорит совершенно серьезно. В его словах предупреждение; впрочем, когда он протягивает мне полупустую бутылку, я принимаю ее и делаю большой глоток.

Виски обжигает горло, как обжигает горящий взгляд Хардина...

Словно вместо крови у него бензин.

Стеф

Впервые встретив девушку с огненными волосами и татуировками на руках, он разглядел в ней нечто темное. Рыжая смотрела на светленькую подружку как на соперницу, соревновалась с ней, отчаянно желая внимания. Она напоминала принцессу из одной сказки¹, прочитанной в детстве. Рыжеволосая принцесса завидовала и ревновала младших сестер, вышедших замуж за короля и его брата, хотя сама была отдана адмиралу. Принцесса терпеть не могла уступать, даже то, что ей не принадлежало. Ей претили вторые роли. Она хотела себе всего – всего, что только есть под солнцем.

* * *

Папа приходит с работы поздно. На этой неделе он задерживался каждый день, а мне нужна его машина – сгонять за платьем на выпускной. Подруги еще месяц назад обзавелись нарядами, и я паникую: если к выпускному платья не будет, я с ума сойду. Папа пропадает на работе, мама присматривает за моей крохой-племянницей... меня никто даже не слушает. Несправедливо!

Свет как будто клином сошелся на сестре и ее ляльке. Мне постоянно достаются обноски, с днем рождения поздравляют в последний момент, и на праздник приходят ближайшие родственники – никаких друзей. Я в семье отверженная, чудачка, призрак в собственном доме. Всегда так было. Почему?

Последний раз мама соизволила сказать мне больше двух слов, когда я испачкала раковину в ванной дешевой краской для волос. Мать обезумела, ведь я «идеально» подгадала со временем: перекрасилась в огненно-рыжий накануне праздника в честь предстоящего рождения дочки Оливии. Еще я вроде бы случайно испачкала ванный коврик и, не подумав, прикрыла плечи вышитыми родительскими полотенцами.

Зато я не испортила ни одной рубашки, что достались мне от Оливии.

Ненавижу выслушивать: «Оливия в семнадцать была президентом студсовета» или: «Оливия в семнадцать училась на пятерки, а после учебы вышла за своего парня, очень популярного среди сверстников».

Достали сравнения с сестрой. Она была золотым ребенком, а я – такое чувство – даже на серебро не тяну. Скорее бы свалить из дома в колледж. Родаки капают на мозг, и вот я отправляюсь в Центральный вашингтонский университет, который Оливия окончила с отличием.

Им дела не было до этого универа, пока туда не поступила Оливия. Мне ни за что не стать достойной сравнения с ней, но проще сказать «да», поступить и все похерить.

Как только на подъездную дорожку въезжает папин джип, хватаю сумочку, гляжусь последний раз в зеркало и сбегая вниз по лестнице... чуть не врезаюсь по пути в маму. Она, правда, не замечает меня, одетую в колготки сеточкой и красный кожаный топ. Мама бормочет что-то себе под нос, уткнувшись в экран читалки.

Дверь открывается, и входят отец с Оливией. У сестры на руках дремлет Сьерра, моя кроха-племянница.

– Как я устала! – заявляет во всеуслышание Оливия.

Тут же появляется мама. Она закрывает читалку и не глядя кладет на каминную полку. Конечно, ради Оливии можно и оторваться от ненаглядного экрана.

– Стефани отвезет тебя домой, милая, – говорит за меня папа.

---

¹ М.К. д'Онуа. История принцессы Ясной Звездочки и принца Милона.

– Пап, мне надо забрать платье, а магазин через полчаса закрывается! – Закидываю на плечо сумку и уже тянусь за ключами.

– Оливия и Сьерра поедут с тобой.

– Я не против, – говорит сестра. – Только в душ схожу по-быстрому.

Ее мягкие каштановые волосы покачиваются в такт словам. На сестре брюки цвета хаки и рубашка с короткими рукавами и ярким цветочным узором. Папа улыбается, будто его старшая дочь – самая внимательная девушка на земле.

Как это бесит!

– Ладно, – вспыхиваю я. – Сегодня последний день, и если я не успею забрать платье, будешь виновата. – Оливия кивает, и я протискиваюсь мимо отца к двери. – Жду в машине.

Завожу мотор. Проходит пять минут, десять. Я успела отправить Оливии две эсэмэски, а ответа нет, хотя она прочитала оба сообщения – видно по значку на экране. Чего тогда тянет резину? Наверное, четвертый раз обнимается с мамочкой на прощание. Когда мы ездим к бабушке, мама сама не может наобниматься – получает порцию любви и ласки. Спустя двенадцать минут я выхожу из салона.

Не успеваю закрыть дверь, как сестра ленивой походкой покидает дом. Улыбается. А ведь еще Сьерру пристегивать к креслу.

– Оливия, я опаздываю, – тороплю я сестру.

Вздохнув, она неискренне извиняется.

* * *

На часах уже три минуты девятого. Останавливаюсь перед магазином – в витринах свет не горит, на двери табличка «ЗАКРЫТО».

Не видать мне платья. Я и так два раза просила отложить его, мне постоянно напоминали, что сегодня – последний день. Шанс упущен.

Роняю голову на обод руля.

– Прости, Стефани, – говорит Оливия.

Поворачиваюсь к ней и зло говорю:

– Все из-за тебя.

– Ничего подобного. Папа повез меня по магазинам, чтобы купить Сьерре новые пинеточки. Она так быстро растет...

Новые пинеточки? Вы издеваетесь?! Я упустила платье для выпускного потому, что Сьерре понадобилась новая обувь? Она ведь и не ходит еще!

– Почему папа тебя сразу домой не забросил? Ты бы так скорее вернулась, – говорю я, повысив голос.

– Я тогда еще не устала... – Оливия пожимает плечами; мое время для нее вообще ничего не значит.

– Да что за хрень! – Мотаю головой и прячу лицо в ладони.

– Не ругайся при ребенке! – прикрикивает на меня сестра.

Со стоном вывожу машину обратно на дорогу. По пути к дому Оливии мы обе молчим. Сестра ведет себя так, будто вины за ней нет, а я слишком зла, чтобы говорить с ней. Достало, и что хуже всего – Сьерра ревет так, словно хочет криком распилить мне мозг надвое.

Ненавижу свою жизнь.

Когда наконец приезжаем, Оливия благодарит, что я ее подбросила, а я и не думаю зайти к ней в новый дом. Она, собственно, и не приглашает – и то хорошо. Дом Оливии и ее мужу Роджеру наверняка помогли купить предки. Муж у Оливии – тихоня, при моих не больно-то разговаривает. Наверняка Оливия просит его помалкивать. Она, сто пудов, всех инструктирует перед знакомством со мной.

Не хочу заглядывать к ним, но надо в туалет, а до родителей ехать еще четверть часа. Все-таки захожу в дом и сразу чую сильный запах корицы. У Оливии в каждой комнате по ароматическому светильнику.

Роджер сидит в гостиной на диване. В одной руке у него пульт дистанционного управления, на коленях – ноутбук. При виде нас он улыбается жене и вежливо спрашивает, как у меня дела. Отвечаю: по-старому, – хотя не могу припомнить, когда же я виделась с ним последний раз.

После неловкого обмена вежливостями Оливия объявляет, что надо уложить дочку, и, прихватив плюшевого мишку и бутылочку, отправляется наверх. Роджер на меня почти не смотрит, когда я прохожу мимо – глядя по пути на идиотские фотки на полке над фальшивым камином. Затем Роджер встает и проходит в кухню. Стремается меня.

В коридоре на стене висит большая фотография в металлической рамке: Оливия и Роджер в день свадьбы. Моя сестра такая идеальная: прическа, макияж... платье просто прекрасно. Мягкий шелковистый подол изящно касается земли. Оливия – точно принцесса, созданная для этого платья.

Свадебное платье сестры – точная противоположность тому, что я присмотрела для выпускного. Мое пошито из черного хлопка, лиф плотно облегает тело, а кромка звездообразной юбки отделана кружевным тюлем. Это платье я уже не куплю, спасибо Оливии. Жаль, что в день ее свадьбы у меня не было при себе банки черной краски.

На следующем фото Роджер обнимает за живот беременную Оливию.

Она лишила меня платья на выпускной, а я лишу ее свадебного платья.

Захожу в кухню. Роджер зарылся в холодильник, и я, чтобы привлечь его внимание, стучу по каменной стойке. Когда он оборачивается, тяну за ворот футболки, откровенно оголяя груди. Роджер давится слюной и кашляет.

Улыбаюсь. Они с моей сестрой после рождения Сьерры еще точно не трахались.

– Извини.

Накручиваю локон на палец, а Роджер старательно отводит взгляд, лишь бы не скользнуть им вниз, по моим ногам в сетчатых колготках.

– Привет, – говорю я, приближаясь.

Сердце вот-вот выскочит из груди. Сама не понимаю, какого хрена творю, но с меня хватит. Бесит, что Оливия такая идеальная, ей все достается; так пусть лишится даже того, что принадлежит ей. Особенно милого и верного, как щеночек, мужа.

– Т-ты что делаешь, Стефани? – спрашивает заметно побледневший Роджер.

– Так, разговариваю.

Задираю подол юбки до самого пупка, показывая кружевные трусики. Роджер пятится и ударяется в шкафчики.

– В чем дело? – спрашиваю и смеюсь. Внутренности завязались узлом, я в любой момент готова хлопнуться в обморок, но в то же время чувствую себя поразительной и могущественной. Должно быть, адреналин, и мне это нравится. Хочется продолжения. Подхожу ближе к Роджеру, тяну за «молнию» на кофте.

Роджер прикрывает руками глаза.

– Стефани, прекрати.

Твою мать, он и впрямь верный щеночек. Моя ревность разгорается жарче.

– Да брось, Роджер, хватит...

– Стефани! – Голос Оливии гремит на всю кухню. – Какого дьявола?!

Она стоит в дверном проеме, опираясь на косяк. На ней фланелевая пижама с голубой окантовкой. Сестра в бешенстве.

– Роджер? – обращается она к мужу.

– Детка, я сам не понял, что произошло. Она пришла, раздевается тут... – Он вскидывает руки, как бы умоляя супругу раскрыть глаза и увидеть, что за шалава ее младшая сестренка.

Оливия взглядом чуть не прожигает во мне дырку.

– Убирайся, Стефани!

– Ты меня даже не спросила, правда ли это!

Закидываю сумку на плечо и отдергиваю юбку.

– Знаю я тебя, – как ни в чем не бывало говорит сестра. Она? Знает меня? Она меня вообще не знает. Знала бы, не вела бы себя как коза эгоистичная.

– И?.. – Смотрю на Роджера. Тот пятится, как от змеи. Типа, у него есть право меня осуждать. Хотя если бы не боялся, что сестра нас застукает, поставил бы меня раком у блестящей кухонной стойки.

– Ладно, ты приставала к моему мужу? – спрашивает Оливия. Губы у нее дрожат, она едва не плачет. Мне следует все отрицать, обвинить Роджера. Он такой жалкий, что Оливия мне поверит. Я тоже умею расплакаться при желании.

Ой, да ладно вам...

– Стерва ты избалованная! – кричит Оливия. Роджер подскакивает к ней, обнимает.

Это я-то стерва избалованная? Издевается? Вечно ей все, а мне – хрен. Надоело уступать! Пусть спасибо скажет, что я чего похуже не выкинула. А ведь могла бы ранить их куда как больнее. Сама себе удивляюсь, какие мысли в голову лезут... и мне они нравятся.

– Убирайся, Стефани. – Оливию трясет, и Роджер гладит ее по рукам, пытается успокоить.

Ну и ладно, уйду. Все равно мне скоро не придется больше мириться с таким поганым отношением.

Скоро я поступлю в колледж.

Там я во всем стану первой.

Часть вторая. Во время

Хардин

Он заблудился, не думал о будущем. Слишком уж сильно привык к новому окружению; даже акцент вроде бы начал стираться. Он свел повседневное существование к замкнутому кругу ежедневных рутин, реагируя и действуя всегда одинаково, с одними и теми же последствиями. Женщины сменяли одна другую: сары, лоры, вовсе без имени...

Разве могло и дальше так продолжаться?

В первую неделю нового учебного года он повстречал ее. Неведомая и непреодолимая сила поместила эту девушку в кампус. Судьба знала, кто он, какая у него репутация, какие намерения. И вот он задумал украсть очередную невинность, разрушить жизнь еще одной девушке. На сей раз все будет не так плохо, говорил он себе. Девушка пострадает не сильно. Все получится проще, невиннее, веселее.

Так он думал, пока ветер не взъерошил ей волосы, открыв лицо. Пока ее серые глаза и алые губы не стали сводить его с ума, снится ему по ночам. Он так сильно запал на нее, что поначалу даже не понял, чувствует ли что-то на самом деле или только воображает. Нет, он ничего не придумал, новые чувства сотрясали его, как рычание льва. Он жизни без нее не мыслил, каждая мысль была о ней.

* * *

Как-то глубоко ночью, когда падал снег, укрывая белым покрывалом улицы, он оказался на парковке, совершенно один. Сжимая руль старенького «Форда Капри», он практически ничего не видел перед собой, не мог думать внятно.

Как могло все пойти так далеко?

Девушка должна была стать легкой добычей. Симпатичное лицо, невинная улыбка, странного оттенка глаза, в которых, казалось бы, нет глубины... Он не должен был влюбиться, а она не должна была вызвать в нем желание стать лучше.

Он-то думал, что у него и так все неплохо.

И действительно, все было неплохо – до того, как он совершил прекрасную ошибку, позволив девушке стать для него всем. Он полюбил ее, да так сильно, что боялся утратить, ибо, утратив ее, он утратил бы и себя.

Он все крепче сжимал руль; побелевшие костяшки сильно выделялись на фоне черного обода; мысли путались сильнее и сильнее. Из-за отчаяния он не мог трезво соображать, и в тот момент, когда его страхи тонули в тишине пустой парковки, он осознал, что сделает все – абсолютно все, – лишь бы ее удержать.

Прошло несколько месяцев; он обладал ею, терял, обладал ею снова, не понимая, как так выходит. Он ее любил. Любовь горела в нем ярче любой звезды, и он цитировал отрывки из десяти тысяч ее любимых романов. Она отдала ему все – влюбилась в надежде, что он перестанет быть сволочью. Ее вера заставила его исправляться. Доказывать, что права она, а все остальные ошибаются. Благодаря ей в нем родилась прежде неведомая надежда.

С ней он чувствовал умиротворение; пожар в груди стихал, и сам он привык к этой девушке, жить без нее не мог. Ее тело стало ему убежищем, разум – домом. Чем больше он любил ее, тем больше страданий ей причинял; они боролись, они росли, и постепенно он стал нормальным, каким всегда хотел быть.

Отношения с отцом развивались, постепенно теплея. Несколько семейных ужинов, и он стал понемногу избавляться от ненависти к старику. Стоило увидеть в ином свете себя, и удалось иначе взглянуть на проступки отца. Он стал заботиться о незнакомых людях в доме так, как поклялся никогда не заботиться.

Но непросто противостоять двадцатилетнему опыту саморазрушения и потворства животным инстинктам. Каждый день приходилось бороться с тягой к спиртному, с гневом, что рвался наружу... Он поклялся драться за девушку и клятву держал. Несколько битв он проиграл, однако от цели победить в войне не отказывался ни на миг. Она научила его смеяться и любить, и свою любовь он выражал раз за разом, не думая останавливаться.

1

Последние дни каникул – лучшие. Все с ума сходят, торопятся осуществить летние мечты и желания. На тусах как никогда много народу, девчонки идут в разгул... а я жду не дождусь, когда начнется учеба. Я не какой-то там идиот-первокурсник, которому не терпится окунуться в чудесный мир универа. Нет, если я верно разыграю карты, то уже весной получу диплом, на целый год раньше срока.

Неплохо для отморозка, от которого даже посещения занятий не ждали.

Мать опасалась за мое будущее и услала меня за полмира от дома, в великий штат Вашингтон, к папаше. Придумала дебильную отмазку, типа мне надо с ним «воссоединиться», но я-то сообразил: она просто не может и не хочет больше мириться с моим свинством. Вот и отправила в Америку, как какого-нибудь колониста-пуританина.

– Кончаешь? – Розовые волосы, пухлые губы. Я и забыл, что у меня между ног шалава.

– Ага. – Обнимаю ее за плечи и закрываю глаза, отдаваясь плотскому удовольствию. Все девки дарят мне только плотское наслаждение.

Спину сводит, и я даже не притворяюсь, будто мне нужно нечто большее. Кончаю.

Утерев губы тыльной стороной ладони, Молли поднимается на ноги.

– Знаешь... – Она достает из сумочки темную помаду. – Мог бы притвориться, что тебе хоть немного интересно, козел.

Чмокнув губами, она утирает пальцем излишки помады.

– Да, я такой. – Откашливаюсь. – Притворяюсь все время.

Закатив глаза, Молли показывает мне средний палец. Она и правда интересна мне, с ней хорошо трахаться, а иногда можно и потусить. Мы с ней во многом похожи: оба отвергнуты семьями. О ее прошлом я мало что знаю, но и так ясно, от какого такого дерьма она сбежала в Вашингтон из богатенькой семейки где-то в Пенсильвании.

– Мудак, – бормочет Молли, закрывая помаду. Естественный цвет губ – пухлых от того, что она только что мне сосала, – идет ей больше.

Молли – моя знакомая, я бы даже сказал, подруга с привилегиями, однако наша «дружба» не моногамна, ни в коем разе, мы оба вольны делать что душе угодно, в смысле трахать, кого захочется. Она то любит меня, то ненавидит... Мне по фигу. Это взаимно.

Друзья нам за такие отношения полощут мозги, но мне-то что? Если скучно – Молли тут как тут, сосет и сразу сваливает. Как по мне, идеальный расклад. Для нее, кажется, тоже.

– Вечером придешь на тусу? – спрашивает Молли.

Встаю и натягиваю боксеры, а поверх – джинсы.

– Я, вообще-то, живу здесь. – Выгибаю бровь.

Мне тут противно. Каждый день я задаюсь вопросом: как я вообще очутился в этой сраной общаге?

Из-за говнистого спермодонора, вот как. Его зовут Кен Скотт, и он первостатейный лузер. Алкоголик, дебил, который мне все детство испортил, чтобы затем волшебным образом съехаться с какой-то мадамой с сыночком, лопушком младше меня на два года.

Это типа его второй шанс. Кену Скотту выпадает второй шанс наладить со мной отношения, а мне пришлось заехать в дебильную общагу при колледже, которым он, кстати, и заправляет. В довершение всего он умолял меня перебраться к нему, как будто я реально соглашусь жить с ним под одной крышей, чтобы он смог меня контролировать. Я думал, он даст мне квартиру... но нет, конечно же. Кен Скотт взбесился, когда я сбежал в эту дырень вместо того, чтобы жить у него в чистеньком доме.

Впрочем, и в общаге есть свои плюсы: тут почти каждую ночь тусы, неиссякаемый поток щелок, и что еще лучше – никто до меня не докапывается.

Правильные студентки, похоже, не возражают, что я не больно-то стремлюсь быть лицом этой сраной общаги: не ношу форменных свитеров, не клею стикеров на машину, не записываюсь в добровольцы на всякую там общественную шнягу и не ору на каждом углу с пеной у рта, на каком факультете учусь. Они вроде как трудятся на благо общества, хотя на общество им насрать, и всем все по фигу.

Молли ушла, а я и не заметил.

Встаю и открываю окно, чтобы проветрить комнату перед очередной ночной тусой. Свободные комнаты очень полезны, потому что к себе я людей не пускаю. Это слишком личное. Так уж мне спокойней; народ давно уяснил: ко мне в комнату соваться нельзя. Молли – да и любая девчонка – знает, что уединимся мы в любой другой пустой комнате, только не в моей.

Подхожу к своей двери и тут вижу: Логан тащит по коридору невысокую кудрявую девчонку. Она и не думает молчать о том, что хочет с ним сделать, а я не думаю сдерживать свое отвращение.

– Запритесь уже в комнате! – кричу этой парочке.

Девчонка хихикает, а Логан показывает мне средний палец. Захожу к себе и закрываю дверь на щеколду. Такой у нас порядок: меня игнорируют и тупо посылают куда подальше. Нормально, я лучше один посижу в ожидании очередного синтетического прихода.

Провожу пальцами по пыльной полке книжного шкафа. Не могу решить, в каком романе я сегодня живу... Может быть, Хемингуэй? Неслабая доза цинизма с ним обеспечена. Средняя из сестер Бронте? Можно вмазаться ущербным любовным романом. Хватаю с полки «Грозовой перевал» и, скинув ботинки, ложусь на кровать.

Не знаю, что заставляет меня перечитывать этот роман снова и снова, но раз за разом эта мрачная история меня увлекает. Все у них через жопу, честно: два человека сходятся и расходятся, уничтожая и себя, и всех окружающих лишь потому, что сами те еще эгоисты и упрямцы.

Во время чтения мне хочется что-нибудь чувствовать, и сопли с сахаром про любовь – самое то. Охота слюнуть на книгу и после сжечь ее.

– Мать твою, да! – раздается женский голос из-за тонкой, как бумага, стены.

– Заткнитесь на хрен! – Колочу в панель старого дерева, зажимаю уши подушкой.

Еще целый год мудохаться, еще год идиотских занятий и экзаменов. Еще год унылых тус и неудачников, которые слишком озабочены мнением о себе окружающих. Год затворничества, а потом я свалю в Лондон, где мне и место.

2

Он до сих пор помнит, как маленькая комнатка в общежитии наполнилась запахом ванили, когда он впервые остался наедине с этой девчонкой. Мокрые волосы, изгибы тела под полотенцем... Он первый раз заметил, как налилась румянцем гнева ее грудь. Она еще не раз на него разозлится – чертовски сильно разозлится, – но он никогда не забудет, как поначалу она пыталась быть вежливой. Он-то принял вежливость за гордость, думал: еще одна дурочка пытается косить под женщину.

Оставшись один, в ловушке собственных ошибок, он цепляется за воспоминания. Воспоминания о том, как злился он, как злилась она, – лишь они помогали ему держаться, когда она его покинула.

* * *

В первый день осеннего семестра за людьми наблюдать интересней всего: придурки носятся, как курицы с отрезанными головами, девчонки надевают лучшие шмотки, лишь бы привлечь внимание парней.

Все это повторяется каждый год, во всех уголках земного шара, где есть универы. Меня приговорили учиться в Центральном вашингтонском, но мне тут нравится. Учеба идет легко, и преподы дают послабления. Как ни странно, я произвожу впечатление усердного студента. Если бы я «прилагал больше усердия», то мог бы учиться гораздо лучше, однако у меня нет ни времени, ни сил заикливаться на оценках, планах или вообще на чем бы то ни было. Я не пропаду, что бы там профессора ни думали. Могу неделю пропустить, а потом сдать экзамен на «отлично». Преподы не докапываются.

Передние ряды в студенческом клубе – самое выгодное место, чтобы наблюдать шоу. Моя любимая часть – когда родители начинают обливаться слезами. Забавно, мамочка спровела меня с таким нетерпением, а эти ведут себя так, словно им руки-ноги отрезают, когда их детишки – взрослые детишки, замечу я вам, – поступают учиться. Им бы прогуляться по району, где я рос, – бросились бы целовать землю Центрального вашингтонского.

Женщина с искусственными буферами и выбеленными волосами обнимает хиленького сынулю в клетчатой рубашонке. Не могу сдержать ухмылку, когда пацан начинает рыдать мамочке в плечо. Отец стоит в сторонке от этого жалкого зрелища, сверяется с дорогими часами, ждет, когда же жена с сыном наконец прекратят распускать сопли.

Я вот представить не могу, чтобы мои предки так обо мне пеклись. Мать-то заботилась, но только когда не работала с рассвета до заката, предоставляя мне самому о себе заботиться и стремясь как-то компенсировать недостаток разума у козла-папаши. Она старалась изо всех сил, однако так сильно можно стараться, лишь когда что-то упущено. Я противился ее помощи, на каждом шагу. Не принимал тогда и не приму сейчас. Только не от нее.

– Эй, чувак, – окликает меня Нэт. Он сидит за столиком для пикников. – Какие планы на вечер? – спрашивает он, прикуривая от зажигалки.

Пожав плечами, достаю телефон и сверяюсь с часами.

– Не знаю. Мы со Стеф встречаемся у нее в комнате.

Попыхивая дымом, Нэт, баран такой, уламывает меня зайти к Стеф из студенческого клуба. Там недалеко, всего пятнадцать минут пешком, но я бы лучше прокатился на машине, чем продираться через толпу возбужденных и наряженных во все лучшее новичков.

Когда мы достигаем общаги, Нэт уже вовсю трещит о предстоящей тусе. Что в ней такого? Эти тусы каждый раз одинаковые. Чего Нэт так завелся?

Сценарий один: те же кореша, столько же секса, те же группы – все по-старому, только день другой.

Я уже хочу войти в комнату, когда Нэт меня останавливает.

– А постучаться? Забыл, как она в прошлый раз взбеленилась?

Я тихонько смеюсь. Помню, конечно. Это было в прошлом семестре, я без стука вошел в комнату к Стеф. Она стояла на коленях перед каким-то ушлепком. Ушлепок он потому... что был в шлепанцах. Для меня подросток в шлепанцах – автоматически ушлепок. Он растерялся, а Стеф взбесилась, и когда паренек бросился прочь из комнаты, она принялась швырять в меня всем, что попало под руку.

Впечатлений хватило на целую неделю. Я ей до сих пор о том случае вспоминаю.

Смеюсь, а из-за двери тем временем доносится крик Стеф: типа, входите уже.

Входим и застаем на месте блондинчика в кардигане. Он стоит посреди комнаты, позади Стеф, у которой во взгляде так и пляшут лукавые огоньки. Я не сразу примечаю, что в комнате еще и женщина с девочкой. Женщина – просто шик: высокая, длинные светлые волосы, зачетные титки.

– Привет, ты соседка Стеф? – спрашивает Нэт, а я тем временем приглядываюсь к девочке. Ничего так... Полные губы, блондинка, волосы длинные. Больше, впрочем, оценить не могу; на ней одежда на три размера больше, чем нужно. Подол мешковатой юбки касается пола. Да-а, жизнь в универе для нее малиной не станет.

Зацените: она смотрит себе под ноги и жутко нервничает. Да что с ней такое?

– Э-э... да. Меня зовут Тесса, – бормочет она до омерзения тихим голосом.

Стеф хитро улыбается и, не сводя с девочки взгляда, присаживается на кровать.

Нэт из нас двоих самый приветливый. Он улыбается.

– Я Нэт. Расслабься.

Не вижу смысла болтать, особенно с этой серой мышкой. Она во все глаза уставилась на Нэта, а он кладет руку ей на плечо.

– Тебе здесь понравится, – обещает он.

Вот ведь говна кусок.

Полным ужаса взглядом новая соседка Стеф осматривает постеры на стенах. Хуже пары для Стеф не придумаешь. Тихоня, робкая, всего боится. Ей еще повезло, что у меня сегодня хорошее настроение, иначе ощутила бы себя куда неуютнее.

– Я готова, парни, – сообщает Стеф, вскакивая с кровати. Накинув на плечо ремешок сумочки, идет к двери. Блондинчик – должно быть, брат новенькой – смотрит на меня, а я сердито смотрю на него в ответ.

– Еще увидимся, Тесса. – Нэт машет девочке рукой, а она тем временем пялится на колечко у меня в брови, на кольцо в губе, потом на татухи. Женщина и паренек заняты тем же.

В чем дело? Наколок не видели? Так и хочется сказать это вслух, однако тут замечаю, что дамочка не так уж и хороша, одежда на ней куда симпатичнее. Значит, можно и побыть паинькой. Пока что.

В коридоре мы слышим вопль женщины: «Найдем тебе другую комнату!»

Стеф взрывается смехом, и мы с Нэтом – с ней за компанию.

3

Утром на первую пару идти неохота, и я отправляюсь в комнату Стеф. Она еще, наверное, спит, но мне скучно, а Стеф из всех моих друзей живет ближе к корпусу универа, в котором у меня вторая пара. На ходу пишу эсэмэску: иду, мол, к тебе, – и даже не жду ответа.

В коридоре старого здания пусто, за исключением разве что опаздывающих на занятия: эти несутся сломя голову, прихватив стопки учебников. Осторожно стучусь в дверь, чтобы нашу мисс Я-Сама-Гордость не постиг разрыв сердца, и открываю замок ключом, который мне сама же Стеф и дала.

Чтобы не заснуть на паршивом матрасе у Стеф, листаю кабельные каналы: какой-то нудный «доктор» дает уроки семейной жизни для слабоумных... Дверь открывается, и в комнату влетает соседка Стеф – завернутая в мокрое полотенце, длинные волосы липнут к лицу. Мне почти что смешно. Глаза у нее от удивления лезут на лоб, а я в это время выключаю телевизор и смотрю на этот образчик женского вида.

– Э-э... а где Стефани? – чуть ли не пищит она.

Я молча улыбаюсь.

– Ты что, не слышал? Я спросила: где Стефани? – спрашивает девчушка уже тише, учтивее.

Улыбка моя становится шире.

– Без понятия, – говорю.

Она беспокойно ерзает на месте. Так сильно впилась в края полотенца, что того и гляди порвет его. Снова включаю телевизор и сажусь.

– Ладно... Ты не мог бы... это... выйти? Я бы оделась.

Ну уж нет, никуда я не пойду. Только-только устроился на кровати. Перекатившись на бок и саркастично прикрыв глаза ладонями, говорю:

– Не льсти себе, на тебя я смотреть не стану.

Много же она о себе думает. Сейчас все брошу и стану за ней следить!

Хотя... пожалуй, что и стану. Под полотенцем угадываются чертовски аппетитные формы.

Слышу, как она снует по комнате, спешно надевает лифчик, пыхтит. Нервничает, торопится одеться. Хотелось бы увидеть ее лицо, прикола ради. Открыть глаза, позлить ее. Но я сегодня добрый. К тому же мне еще с ней предстоит общаться, к чему лишние ссоры.

– Ты уже все? – закатываю глаза, не отнимая рук от лица.

– Прояви хоть капельку уважения! Я тебе ничего не сделала. Что с тобой такое? – кричит она.

Ни фиги себе! Эта замухрышка еще и огрызаться умеет? Ржу не могу.

Открывается дверь, и входит Стеф в платье, в котором еще вчера ушла на тусу.

– Прости, я опоздала, – стонет она. – Сраное похмелье.

Закатываю глаза. Похмелье у нее... Когда это она с бодуна не страдала?

– Прости, Тесс, забыла предупредить, что придет Хардин. – Она пожимает плечами. Типа ей не все равно.

– Ну и грубиян же твой парень, – выдает блондинка.

Тут меня снова прорывает, и я ржу. Стеф смотрит на меня, выгнув брови.

– Хардин Скотт не мой парень! – восклицает она и тут же начинает давиться от смеха.

Да, мы с ней трахаемся, но не встречаемся.

Я ни с кем не встречаюсь.

– Что ты ей такого сказал? – Стеф, подбоченившись, смотрит на меня. Как ни пыжится, грозный вид ей не дается. Она оборачивается к соседке. – У Хардина... уникальная манера беседовать.

Беседовать? Я ни с кем не думал беседовать. Пожав плечами, снова принимаюсь листать каналы в поисках какого-нибудь бессмысленного дерьма.

– Сегодня будет еще туса, тебе стоит прийти, Тесс, – говорит Стеф.

Ну да, конечно. Придет эта чикса, как же. Чтобы не заржать, я зубами прикусываю серьгу в губе. Смотрю в экран телевизора.

– Вечеринки – это не мое. К тому же мне нужно кое-что купить для стола и стен.

– Да ладно... всего одна туса! Теперь ты в универе, один раз потусить не грех, – чуть не умоляет соседку Стеф. – Постой, а как ты в магазин собиралась отправиться? У тебя же вроде нет машины?

– На автобусе. К тому же я не могу пойти на вечеринку, я там никого не знаю, – отвечает блондинка. Я снова смеюсь. – Я думала почитать и созвониться по «Скайпу» с Ноем.

Ну да, в магазин съездить – та еще веселуха. Она, поди, в магазины ходит с Определенной Целью. У нее это на лице написано. А еще свидание по «Скайпу»... Пипец, она своему недопарню, наверное, щиколотку покажет, и он уже кончит.

– Нечего на автобусах ездить! В них по выходным не протолкнуться. Хардин тебя ответит... Верно, Хардин?

Стеф смотрит на меня.

Ага, счаз-з-з. Никуда я никого не повезу.

– Заодно познакомимся поближе на тусе, – продолжает Стеф. – Просто приходи, ладно?

– Ну, даже не знаю... Я не хочу ехать в магазин с Хардином, – ноет несносная девка.

Переворачиваюсь на бок и улыбаюсь ей и Стефу. Они меня пипец как достали.

– А я-то надеялся прокатиться с тобой! – говорю. – Брось, Стеф, сама знаешь: эта девочка ни за что не придет на тусу.

Мимоходом замечаю, как здорово белая футболка на девочке облегает титьки и бедра. Лучше бы она всегда так одевалась, чем в дурацкие длинные юбки.

– Вообще-то, я приду, – внезапно заявляет она. Тесса, если не ошибаюсь. Да, точно, ее зовут Тесса.

Тут же раздаются радостные визги и пiski, девчонки обнимаются, а значит, мне пора валить.

– Ура! Гарантирую: ты оттянешься по полной! – обещает новенькой Стеф.

* * *

Еду обратно в кампус и высиживаю все до последней пары. Потом приходит эсэмэс от Нэта: они с Тристаном ждут меня в «Слепоем Бобе». Еду. Включаю музыку погромче, опускаю окно со своей стороны. Подростком я считал всех, кто так ездит, выпендрежниками, но теперь просек фишку. Иногда просто хочется отгородиться от мира, и в этом помогают музыка и книги. У всех свои рецепты.

Шум эффективен, когда я хочу тишины.

Даже лучше, чем пятый стакан «Джека», наверное. Мама, орущая в трубку телефона посреди ночи, подтвердила бы.

– Чего так долго? – спрашивает Тристан, надкусывая гамбургер, с которого на тарелку падает половина топинга.

– Сплошные козлы на дорогах, – отвечаю, присаживаясь рядом в кабинке. Официантка, которая нас обычно обслуживает, кивает при виде меня и сразу же подносит стакан воды.

– Все еще в завязке? – спрашивает Нэт, отхлебывая пива.

– Прикинь, да. – Отпиваю воды, стараясь не думать, как здорово было бы хлебнуть ледяного пивандрия.

– Молодец, чувак. Самоконтроль – это офигенно круто.

Мне становится неуютно.

Тристан ржет и утирает подбородок салфеткой.

– Самоконтроль? Прошлой ночью Молли выкрикивала твое имя.

– Так он же от спиртного воздерживается. А чиксы – не, про них речи не идет. – Нэт тоже смеется, пихая меня плечом. Ну и хорошо, что сменил тему, а то я уже готов был обидеться.

Под конец Нэт начинает проситься за руль. Он выпил всего одно пиво, а мне вести что-то не хочется, и я соглашаюсь. При условии, что он заберет Стеф и ее соседку.

– Она мне телефон оборвала, жалуется, что ты ей не отвечаешь, – сообщает Нэт, когда мы выезжаем с парковки.

– Час назад обещал подбросить, – закатываю глаза.

Стеф, когда захочет, кому угодно мозг вынесет.

– Я сказал, что мы уже едем. Круто, что эта новенькая, Тесса, тоже придет, – говорит Нэт и приспускает окно со своей стороны.

– Круто?

– Она симпатная и должна чаще выбираться в люди. Стеф говорит, типа ее парень для нее – единственный друг на свете и вообще...

– Парень? Хочешь сказать, у этой матери Терезы есть парень? – усмехаюсь я. Погодите-ка... блондинчик, что заходил к нам в общагу. Они с Тесс больше походили на брата с сестрой. Это с ним она по «Скайпу» созванивается? Сто пудов, они полностью одеваются, а потом еще сверху свитера накидывают, для дополнительной защиты.

– Да, он приходил с ней, мажорик.

– Кто бы мог подумать, – смеюсь я и прибавляю звук. Тесс и ее высокомерному парню с модельной внешностью музыка явно не понравится. Прибавляю громкости еще больше.

Когда подъезжаем к общежитию, у меня жужжит телефон. На экране – имя Молли, и я сбрасываю.

– Дамы, – приветствует Нэт девчонок, когда те садятся к нам. Стеф надела похожее на сетку платье, а подружка нацепила нечто вроде бордового мешка. Не понимаю, я же видел контуры ее приличной фигурки под полотенцем – на фига таскать такое бесформенное дерьмище?

– Мы ведь на вечеринку собрались, а не в церковь, ты в курсе, Тереза? – говорю я, когда она забирается в салон.

– Не называй меня Терезой, пожалуйста. Я предпочитаю «Тесса», – сдержанно просит она.

Я прочел много книжек и знаю, что ее полное имя – Тереза. Похоже, нашу целочку это сильно задевает.

– Не вопрос, Тереза, – отвечаю с издевкой. По дороге я то и дело смотрю в зеркало заднего вида. Нужный нам корпус общежития близко, поэтому неловкая тишина надолго не затянется. Наконец Нэт останавливается на парковке позади ряда машин.

Тереза пыхтит и закатывает глаза.

– Какой большой дом... сколько там народу собралось? – спрашивает она. Нет бы на парковку взглянуть: все сразу ясно.

– Под завязку. Торопись, – говорю, закрывая дверь машины. Тесса так и сидит, пораженная, а я иду дальше, через двор, к дому.

4

Он с самого начала, с первой встречи, когда она его осадила, знал: его чувства к ней – нечто новое. Он сам не понимал... понятия не имел, что пламя внутри нее будет гаснуть по мере того, как он совершает ошибки. И очень часто, оставаясь наедине с собой, он вспоминает те дни, когда пламя в ней еще бушевало. Когда ее голос и поступки полнились страстью, от которой воздух между ними дымился. Стоило бы знать заранее, что такая страсть приведет к разрушению, к тому, что душа девушки сгорит, дух ее развеется, отняв у него любимую, без которой он не мог – да и не может – дышать. Что он будет смотреть, как она уходит от него в последних клубах серого дыма.

* * *

Проталкиваюсь через группу пьянящих придурков. Те играют в какую-то игру с напитками, в надежде убить время и отчаянной попытке влиться в коллектив. Меня тошнит от вида их красных глаз и тупых ухмылок. Один за другим они одаривают меня презрительными взглядами, а сами бросают пластмассовые шарики в стаканы с пивом и тостуют, как будто выиграли какую-нибудь медаль за полное опьянение с дешевого пойла из общей посуды.

В переполненном людьми коридоре нахожу Стеф. Ее «хвостик» совершенно потерян – блондинка смотрится неуместно в этом море кочующих тел. Ей в руки суют напиток, и она вежливо улыбается, хотя – по глазам вижу – пить не хочет. Впрочем, красный стаканчик к губам подносит.

Вот сюрприз так сюрприз.

– Приве-е-ет, Земля вызывает Хардина! – Сквозь шум пробивается голос Молли. Уперев руки в бока, она зло глядит на Стеф и Тессу.

– На что это ты уставился? – напряженно спрашивает она.

– Ни на что. Не твоё дело. – Иду дальше, поднимаюсь по лестнице на свой этаж. Позади бряцают драгоценности. Оборачиваюсь. Молли смотрит на меня щенячьим взглядом. – Ты что-то хотела?

Откинув с плеча розовые пряди, она жалуется:

– Мне скучно.

– И?... – Достав из заднего кармана джинсов телефон, утыкаюсь в дисплей. Лишь бы ее не слушать.

Молли догоняет меня и хватает за руку.

– Развлеки меня, козел!

Платье на ней – одно название, открывает взгляду все, что я и так уже видел. Картина мне нравится. Улыбка Молли становится шире, ногти впиваются мне в кожу.

– Ну давай. Ты когда последний раз трахался?

Вот бесстыжая. Люблю ее такой.

– Если считать отсос, что ты мне сделала два дня назад...

Она не дает мне договорить – лезет целоваться. Я отстраняюсь, она напирает.

А впрочем, фиг с ней. Не так уж она и плоха, к тому же альтернатива куда хуже. Например, тусить всю ночь со Стеф и Паинькой Терезой. Так и уснуть недолго.

Молли уводит меня в последнюю справа комнату. Она уже знает, что ко мне лучше не соваться, ко мне вход заказан. Закрыв за собой дверь, Молли кидается на меня. Губы у нее горячие, липкие от блеска.

Прикосновения – с ней или другой девчонкой – позволяют бежать от мира. Сам контакт мне не особенно важен, но, когда мозг выключен, становится проще. Только в эти бурные мгновения я хоть что-то да чувствую.

Молли подводит меня к кровати, ложится на меня всем телом, трется о мою ногу. Схватив ее за розовые пряди, отдергиваю от себя.

– Нет, – говорю.

Она стонет и ноет, как и всякий раз, стоит напомнить ей, чтобы не лезла сосаться.

– Ну и козел же ты, – жалуется она, а сама тем временем садится мне на живот.

Внезапно открывается дверь, и Молли замирает, оборачивается. Я приподнимаюсь на локтях.

– Тебе помочь? – грубым и нетерпеливым тоном спрашивает Молли. Она распалилась, ей хочется.

В дверях, разумеется – а как же иначе?! – Тесса, соседка Стеф. Вид у нее еще более смущенный, чем у нас с Молли, вместе взятых.

– Ой... нет. Простите, – шепчет она. – Нет, извините, я просто туалет искала. Меня тут облили.

Она смотрит на пятно у себя на платье, словно предъявляет нам доказательства. Уж больно много она вниз смотрит.

– Вот иди и ищи туалет, – с издевкой произносит Молли и машет рукой.

Тесса пулей вылетает за дверь.

Молли присасывается к моей шее, а я смотрю на дверь – вижу под ней тень Тессы. Она что, подслушивает? Офигеть! Наконец она уходит, а Молли тянется к моей ширинке.

– Господи, как эта девчонка меня бесит.

Странно слышать такое от человека, которого не больно-то любят.

– Может, стоило и ее к нам пригласить? – пожав плечами, спрашиваю я.

Молли морщится.

– Фу, нет. Бьянку или Стеф – еще куда ни шло, но лохушку Тессу? Она некрасивая и почти вдвое больше меня.

– А ты, стерва, точно знаешь? – качаю я головой. – У Тессы вообще-то клевое тело – мужикам такое нравится. Я бы сам ее съел в один присест, если бы она только уняла гонор.

– Да мне по фигу. Тебе просто ее сиськи понравились, – говорит Молли и снова присасывается к моей шее.

– Она мне не нравится, – спешу отмазаться я.

– Может, и не нравится. – Молли заглядывает мне в глаза и лукаво улыбается. – А все равно ты бы трахнул.

Она кусает меня за подбородок, хватая за член, продолжает тереться.

– Хватит болтать.

Провожу пальцами у нее между ног, и Молли стонет, уткнувшись лицом мне в шею. Я отдаюсь наслаждению. Молли ни за что не признает, но она очень сильно похожа на меня. Она, как и я, бежит от собственных мыслей в мир физических ощущений. Ее дни так же бледны и тоскливы. Чувствую, досталось ей крепко.

Запускаю пальцы в Молли, и она содрогается всем телом. Я-то уже знаю, как заставить ее кончить быстрее. С ее губ срывается стон и имя «Лу», и она спешит исправиться, зовет меня.

Лу? Какого хрена? Неужто Логана вспомнила? Лу – его прозвище. Мне смешно, еле сдерживаюсь. Молли знает, что Логан со мной и рядом не стоял.

Мне плевать. Я пользую ее, она пользуется меня – мы квиты. Мысленно возвращаюсь к вечеринке внизу. Интересно, с кем успела поругаться соседка Стеф? Она штучка эмоциональная. С виду хрупкая, а на деле та еще крикунья и скандалистка.

Молли стягивает с меня джинсы. Ее теплые губы смыкаются на моем члене, и я закрываю глаза.

После она утирает распухшие губы. Ни один из нас не произносит ни слова. Молли припускает подол платья, типа прикрывая бедра.

Я еще несколько минут валяюсь на кровати и гляжу в потолок, потом наконец выхожу в коридор. Туса продолжается; народу прибывает. Мимо проходит группа из трех девчонок – они держатся за руки.

– Девчонки, вы мои лучшие подруги, – говорит самая низкорослая.

Одна из них, в синем свитере, бредет, спотыкаясь. Глаза у нее налиты кровью и слезятся.

– Я вас обеих люблю! – говорит она.

Ох уж мне эти пьяные девки, плачут и всем признаются в любви...

В дальнем конце коридора замечаю Логана. Криво усмехаясь, он держит в руках по стакану. Один предлагает мне, я молча отказываюсь.

– Тут вода, – говорит он.

Приняв «угощение», принохиваясь к нему.

– Эм-м... спасибо. – Делаю глоток холодной воды, не обращая внимания на немой укор в глазах Логана.

– Тут яблоку негде упасть, – говорит друг, морщась и откашливаясь. – А дешевая водка дерет горло.

Я молчу. Мы идем к лестнице.

– Кстати, я видел, как Тесса зашла к тебе в комнату, – говорит Логан у меня за спиной, и я оборачиваюсь.

– Что ты сказал?

– Она и Стеф зашли к тебе. Стеф поплохело, она блюет в тубзике.

– Чего ей у меня в комнате понадобилось? – повысив голос, спрашиваю я. Дверь была заперта, это точно. Ко мне в комнату никому нельзя, даже поплевать в туалете. Тем более, если плохо – нечего там на мои вещи кишки выворачивать.

– Не знаю, – пожимает плечами Логан. – Я так сказал, на всякий случай.

Он исчезает в толпе, а я иду в комнату. Стеф могла бы предупредить свою соседку о запрете.

В гневе врываюсь к себе и возле книжных полок застаю Тессу. Она держит в руках потрепанный экземпляр «Грозового перевала». Вид книги выдает, что я чаще других читаю именно ее.

– Ты какого черта здесь делаешь? – спрашиваю Тессу.

Она, даже глазом не моргнув, закрывает книгу.

– Тебя спрашиваю: какого черта ты здесь делаешь? – все так же грубо повторяю вопрос. Подхожу и забираю книгу, возвращаю на полку. Тесса так и стоит возле кровати, смотрит на меня широко раскрытыми глазами.

– Нэт сказал отвести Стеф сюда... – наконец отвечает она шепотом и указывает на Стеф. Та развалилась у меня на кровати. Офигеть. – Она перепила, и Нэт сказал...

С меня хватит.

– Ты уже говорила, – спокойно перебиваю ее.

– Ты тут живешь? – спрашивает Тесса с любопытством и легким укором. Не то чтобы я удивлен. Высокомерные мажорики вечно меня осуждают, хотя вот эта девчонка вряд ли из богатеев. Платье у нее, скорее, их секонд-хенда. Странно...

– Ну да, и что? – Делаю шаг к этой любопытной штучке, и она пятится, задевая на ходу шкаф. – Чему ты удивляешься, Тереза?

– Хватит называть меня Терезой!

Сварливая.

– Это твое имя, разве нет?

Она со вздохом отворачивается. Пытается выйти из комнаты, а я смотрю на кровать.

– Ей здесь нельзя оставаться, – говорю. Стеф не останется спать на моей кровати.

– Почему? Вы ведь друзья.

Как мило... и наивно.

– Друзья, да, но у меня в комнате никто не ночует. – Скрестив руки на груди, присматриваюсь к Тессе, а она разглядывает мои татуировки. Мне нравится, как она на них смотрит. Это возбуждает. Тесса заинтригована.

– О-о... – произносит она, как будто вынырнув из задумчивости. – Понятно! То есть ночевать у тебя может лишь та, кто с тобой спит.

Я невольно улыбаюсь такой дерзости. Ох уж эта малявка! Длинные белокурые пряди и скрытые под жуткой хламидой аппетитные формы... Что-то в этой девчонке раздражает меня еще больше, чем в Стеф и даже в Молли. Что-то, что задевает куда глубже. Она неким образом умудряется быстро влезть ко мне в душу. Так дело не пойдет.

– Если хочешь переспать со мной, то извини, ты не в моем вкусе.

С улыбкой наблюдаю, как ее перекашивает от смущения и гнева.

– Да ты... ты...

Мне вдруг становится неуютно.

– Тогда... – говорит Тесса, – перенеси ее в другую комнату, а я вернусь к себе.

Я?! Она так самоуверенна, что с каждой секундой бесит меня все сильнее.

Она ведь не бросит Стеф здесь? Не бросит же?... Тесса открывает дверь и выходит в коридор.

Черт, а у нее характер покрепче, чем я ожидал. Это даже слегка впечатляет.

– Спокойной ночи, Тереза! – кричу ей вслед, пока она не захлопнула дверь.

Окидываю комнату беглым взглядом: вдруг она еще что-то здесь трогала. В глаза бросается зеркало. Точнее, человек в отражении. С трудом узнаю его, потому что сам не знаю, в кого превратился за последние годы.

И уж совсем непонятно, откуда у меня на губах эта придурочная улыбка?

Мне не впервой с зазнабами на таких тусах собачиться, но сейчас перебранка понравилась мне больше обычного. Почему? Из-за новенькой? Она не из тех, на кого я обычно охочусь, однако забавляться с ней тоже прикольно.

Снизу доносится шум. Стеф у меня на кровати, и делать нечего: придется позвать Нэта, чтобы вынести ее отсюда... и, наверное, бросить в коридоре. Уверен, Стеф спала в местах и похуже. У меня из головы все не идет Тесса, то, как она упрямо подбоченилась, пока спорила со мной, не желая уступить.

Выхожу в коридор и ловлю первого попавшегося новичка, уговариваю помочь перенести Стеф в другую комнату. Жду для верности, пока он потом выйдет, – чтоб не остался с пьяной Стеф в пустой спальне – и только потом возвращаюсь к себе.

Проходя мимо туалета, слышу дикие вопли. Это Тесса, я теперь ее голос где угодно узнаю.

– Да нет... Я пошла на вечеринку с соседкой и застряла в общежитии. Тут спать негде, а домой не вернуться.

Она уже плачет. Надо бы пройти мимо, нет ни сил, ни даже слабенького желания общаться с этой гиперчувствительной ревой.

– Она же...

Тесса всхлипывает, и ее слов не разобрать. Прижимаюсь ухом к двери.

– В том-то и дело, Ной...

Дергаю за ручку двери. Сам не знаю зачем, так что, наверное, оно и к лучшему, что дверь заперта.

– Минутку, – громко и раздраженно просит Тесса.

Стучусь.

– Говорю же вам, погодите!

Распахнув дверь, она видит меня, и глаза у нее чуть не вылезают из орбит. Тесса вылетает из туалета, и я отворачиваюсь, но тут же нежно ловлю ее за руку.

– Не трогай! – вырывается Тесса.

– Ты что, плакала? – спрашиваю, хотя ответ и так уже знаю.

– Оставь меня, ладно, Хардин? – Голос у нее усталый. С кем она говорила по телефону? Со своим парнем?

Хочу уже отколоть остроту, но Тесса вскидывает руку.

– Прошу тебя, Хардин. Умоляю. Если в тебе есть хоть капля достоинства, оставь меня в покое. Промолчи, какую бы гадость ты ни хотел сказать. Очень прошу.

Ее серо-голубые глаза блестят от слез, и пришедшая мне в голову грубая шуточка внезапно становится неактуальна.

– Дальше по коридору есть пустая комната, можешь устроиться в ней. Мы там оставили Стеф.

Она смотрит на меня так, словно у меня выросла еще голова.

– Хорошо, – выдавливает наконец Тесса.

– Третья дверь слева, – говорю я и отправляюсь к себе. Хочется как можно быстрее убраться от этой девчонки подальше. – Спокойной ночи, Тереза.

Закрывшись, приваливаюсь спиной к двери. Голова идет кругом. Что-то со мной не так... Ну, Логан, держись, если ты что-то подсыпал мне в воду.

Хватаю с полки «Грозовой перевал», открываю на середине. Из всех героинь литературы, что мне попадались на страницах прочитанных книг, Кэтрин – самая стерва. Ума не приложу, как Хитклифф мирился с ее закидонами?

Да, он и сам не подарок, но Кэтрин – в разы хуже.

* * *

Вижу сон: Кэтрин – или, скорее, ее блондинистая версия помоложе – спотыкаясь, входит в здание колледжа. Внезапно раздается крик моей матери, и я, весь мокрый от пота, просыпаюсь. Резко сажусь на кровати и включаю свет.

Когда уже эта фигня закончится? Столько лет меня мучает.

Еще несколько тревожных часов я пялюсь в потолок и стены, потом иду в душ, а после – на кухню. Беру там мусорный пакет, решив хоть раз сделать доброе дело. Может, если помогу людям, мне в награду достанется целая ночь спокойного сна?

Тесса еще не уехала. Она на кухне, облокотилась на стойку и смеется.

– Что смешного? – спрашиваю, смахивая в мешок пустые стаканчики.

– Ничего... Нэт тоже здесь живет? – спрашивает Тесса.

Делаю вид, что не слышу ее.

– Нэт здесь живет? – громче переспрашивает она. – Чем скорее ответишь, тем скорее я смогу отсюда убраться.

– Вот теперь я весь внимание. – Подхожу к ней, такой раздраженной, собираю со стойки мокрые бумажные полотенца. Улыбаюсь. – Нет, он здесь не живет. По-твоему, Нэт похож на того, кто живет в общежитии?

– Нет, но и ты не похож, – насмешливо фыркает Тесса.

Молчу. Черт, ну и срач тут развели.

– Здесь поблизости автобусные остановки есть? – Она по-детски топает ножкой, и я закатываю глаза.

– Да, примерно в квартале отсюда.

– Где именно, не скажешь?

– Конечно: примерно в квартале отсюда.

Тесса такая вспыльчивая, что мне смешно.

Резко развернувшись на плоских подошвах балеток, она быстро уходит из кухни. Я смеюсь себе под нос, стараясь не обращать внимания на то, как усмехается надо мной Логан на другом конце кухни. Иду к нему, но на полпути меняю направление – чтобы подсмотреть за Тессой. Она направляется к Стефу.

– Не поедem мы на автобусе. Кто-нибудь из этих придурков нас подбросит. Он просто стебется над тобой, – говорит Стеф. Врывается в кухню, ни дать ни взять ураган «Катрина». Вокруг глаз у нее размазана тушь. (Тесса макияжем почти не пользуется.) – Хардин, ты же отвезешь нас обратно? У меня голова сейчас лопнет.

– Да, конечно, только минутку мне дай. – Бросаю мешок с мусором на пол. Тесс фыркает, и я усмехаюсь. Ее очень легко выбесить.

Тесса и Стеф ждут у машины. Ставлю одну из любимых композиций «Уор пигз». Опускаю окна и наслаждаюсь прохладой от встречного ветра.

– Может, закроешь? – просит Тесса с заднего сиденья.

В зеркало видно, как разметало ей по лицу волосы. Приходится закусить кольцо в губе, иначе заржу. Притворившись, будто не слышу жалоб, врубаю музон еще громче.

Наконец увеселительная поездка закончена; девчонки выбиpаются из машины, и я говорю им вслед:

– Стеф, я чуть попозже загляну. – Сквозь подол ее платья проглядывают трусики, но в этом, надо думать, и прикол платьев-сеточек. – Пока, Тереза.

Я улыбаюсь, а она закатывает глаза. Смеюсь и уезжаю прочь.

5

Как-то ночью, через несколько месяцев после встречи с ней, он перевернулся на бок и обнаружил ее рядом с собой на кровати. Она лежала, закинув на него ноги. Такого он прежде никогда не испытывал: боль ушла, зато разум и сердце словно пели. Хотелось разбудить ее, покаяться этом ангелу в грехах, но в этот миг она проснулась... и он не нашел в себе сил.

Он был трус и лжец. Оставалось надеяться, что она сумеет пощадить его. Поморгав немного, она обернулась, посмотрела на него, и он ощутил на себе сокрушительную тяжесть. Нельзя было разрушать образ, который она создала у себя в голове, однако он боялся за будущее: с детства он знал, что рожденная во тьме ложь на свету превращается в ужасную правду.

* * *

Я проспал всего три часа и проснулся от звуков смеха и собачьего лая. В принципе, я и так мало сплю, но немного тишины в коридорах пришлось бы очень кстати. Особенно если учесть, что сегодня понедельник и у меня скоро занятия... Проверяю время по мобильному – 8.43.

Твою мать.

Осталось меньше получаса, чтобы успеть на лекцию по литературе. И вообще, откуда в общега собака?!

Подобрав с пола черные джинсы, встаю и пытаюсь их натянуть. Меня шатает, я матерю тугие обтягивающие штаны. Ноги у меня чересчур длинные, чтобы носить мешковатые джинсы, в них я придурок придурком. Вчера я бросил ключи на пол, и вот приходится рыться в грязных вещах и вонючих носках. Черт, ну что за напасть!..

Иду по коридору, не обращая внимания на следы вчерашней гулянки. Логан машет мне рукой; под глазами мешки, в руке – баночка энергетика.

– Черт, я в говно, – стонет он, растягивая губы в улыбке. Как всегда. Не представляю, каково это – постоянно быть счастливым, как он. Даже с похмелья. Я бы не справился.

– Это ты круто придумал – не пить. – Подойдя к холодильнику, он достает полгаллона молока и пьет прямо из канистры.

– Нормально. – Глядя на него, качаю головой. Логан, улыбнувшись, отпивает еще. Постепенно кухня заполняется обитателями общега. Хватаю со стойки кусок пиццы – реликт вчерашнего пьяного решения заказать десять пицц в четыре утра.

Выходя из кухни, слышу, как Нил спрашивает у народа: мол, как насчет вечером, перед тусой, забуриться в какой-нибудь ресторан? Меня вряд ли пригласят – никогда не приглашают. Меня вообще не застать в кругу придурков, у которых на голове больше геля, чем волос; разве что на вечеринке вроде вчерашней.

Мать вечно распекала меня из-за того, что я не умею заводить друзей. Она просто фишку не рубит. Это ведь ни разу не просто и даже близко не весело. Зачем искать одобрения тех, кого я терпеть не могу? Чтобы повысить чувство собственной важности? Мне друзья в хрен не уперлись. У меня есть узкий круг людей, которых я более-менее могу выносить, и этого достаточно.

Стоянка у кампуса переполнена, приходится подрезать одного растяпу, чтобы занять его место.

Профессор уже вовсю разглагольствует, когда я вхожу в аудиторию. Оглядевшись в поисках свободного места, замечаю в переднем ряду девчонку. Длинные белокурые пряди выглядят знакомо... еще и юбка до пола. Да это же Тесса, пуританочка наша, соседка Стеф! Сидит

рядом с Лэндоном Гибсоном. Ну точно, Тесса. Вот приколы: она в одной аудитории со мной, и единственное свободное место – рядом с ней. Денек задался.

Пока иду к ней, она оборачивается – и глаза у нее лезут на лоб. Тесса лихорадочно озирается по сторонам, а я по-быстрому подсаживаюсь. Тесса делает вид, что меня нет. Ожидаемо. На ней синяя рубашка, застегнутая под горлышко, на два размера больше. Волосы собраны на затылке.

Телефон у меня в кармане начинает жужжать.

Эсэмэс от моего спермодонора: «Карен готовит отличный ужин. Приходи».

Он что, гад, с ума сошел? Перевожу взгляд на Лэндона; он – так уж получилось – сын Карен. Сидит такой в рубашечке поло, свеженький.

Да не приду. С фиги ли мне соваться в папашин новенький дом, где он живет с подружкой и Лэндоном? Идеальным маленьким Лэндоном, который обожает спорт и целует всем зад, лишь бы стать самым милым и уважаемым мальчиком.

Ну его в задницу.

Жду, что мой дорогой братишка Лэндон что-нибудь скажет. Он молчит. Вот тебе, папа, и объединение семьи.

– Думаю, это будет мой любимый предмет, – говорит Лэндону Тесса после занятия.

Как ни странно, это и мой любимый предмет, если не считать, что я отсиживаю пары чисто приколы ради.

Поняв, что я следую за ними, Тесса оборачивается.

– Чего тебе, Хардин?

О, сработало.

Улыбаюсь ей невинной улыбкой, словно и не думаю ее злить.

– Да так, ничего. Просто рад, что у нас с тобой общие предметы в программе.

Мои слова так и сочатся сарказмом, в ответ на который Тесса закатывает глаза. Я плююсь на нее все занятие; мне по кайфу, как она ерзает или пыхтит от раздражения. Класс! Пара заканчивается быстрее, чем хотелось бы, и Тесса спешит собрать вещи до того, как профессор распустил нас. Ну уж нет.

Вскакиваю на ноги, готовый преследовать Тессу и Лэндона до самого выхода из здания универа. Я еще не навеселился. В коридоре Лэндон оборачивается к Тессе. Под нашими взглядами Тесса нервничает.

– Увидимся позже, Тесса, – говорит Лэндон. Мне – ни слова.

– Нашла с кем дружбу заводить, – дразню я Тессу, когда Лэндон сливается с толпой заблудившихся перваков.

Воображаю, как мамаша Лэндона и мой папочка радостно держатся за руки, типа, смотрите, как мы любим друг друга. От одной мысли, как мамочка Лэндона держит за руку моего папашу, Кена Скотта – он же Сраный Отец года, – меня передергивает. Не припомню, чтобы он хоть раз держал за руку мою мать.

– Не говори так о нем, он милый мальчик. Не то что ты, – отрезает Тесса.

Я оборачиваюсь к ней. Ого, как пылко она его защищает. Успела узнать Лэндона? А он ее?

Стоп, а мне какая хрен разница?

Задвинув этот вопрос поглубже, решаю еще немного позабавиться с Тессой.

– С каждой нашей новой беседой ты становишься веселее, Тереза.

Она ускоряет шаг, я догоняю.

– Еще раз назовешь меня Терезой...

Поджав пухлые губы, она пытается состроить злобную мину, но я, глядя в ее глаза оттенка серого, переходящего в бледно-голубой, расслабляюсь. Напряжение тает, и по спине пробегают мурашки.

Какое странное чувство. Гнать его! Прежде мне нравилось, как Тесса глядит на меня в попытке оценить и раскусить; теперь в ее глазах – осуждение. Она смотрит на мои расписные руки, словно моя бабушка. Еще придирок не хватало.

– Хватит на меня пялиться!

Развернувшись, ухожу. Дыхание перехватывает. Как тогда, когда я выкуривал слишком много сигарет. Я больше не курю, завязал, – напоминаю себе, упираясь спиной в кирпичную стену, пытаюсь отдышаться.

Странная она, эта блондинка с самомнением.

* * *

Вся неделю – коту под хвост. Туса за тусой, шум и гам. А страдать – мне.

За неделю я, в общей сложности, спал часов двадцать, и сегодня просто нет сил. Голова гудит, перед глазами плывет. Ключи от машины не найти. Нервы на пределе, если кто докопается – побью.

Пока роюсь в вещах, раздается стук в дверь. Сперва я думал не открыть, но тут постучались еще раз – громче.

Открываю. На пороге – девчонка в джемпере с символикой универа. Глаза красные, щеки – румяные.

– Можно войти? – спрашивает она; руки у нее дрожат.

– Нет. Извини. – Захлопываю дверь прямо у нее перед носом. Секундой позже снова раздается стук в дверь. Черт возьми! Не знаю, кто эта чикса, но лучше бы ей свалить. Она все стучит и стучит, и я рывком распахиваю дверь.

На пороге – Нил, один из самых больших мудаков в общежитии. Светлые волосы на башке взъерошены, от него тащит пивом и мандой.

– Че надо? – спрашиваю, отходя в глубь комнаты и швыряя в него джинсами.

– Ты К-кэйди не видел? – мямлит он.

– Кого?

– Та, с которой я был прошлой ночью. Ты ее видел?

Уж не та ли это красноглазая, что стучалась ко мне? Мотаю головой. Мне показалось, что она обкуренная.

– Она ушла и не вернулась. Забей. – Схватив с полки книгу, кидаю ею в Нила.

Тот стонет и, обозвав меня козлом, уходит.

Взбешенный, еду в кампус. Там продолжаю донимать соседку Стеф.

– Я весь в нетерпении. Столько хорошего слышал про этот предмет, – втирает ей Лэндон, когда я пристраиваюсь к ним в хвосте. Должно быть, они реально сдружились. Тесса отвечает тихим голосом, а Лэндон ей улыбается. Улыбка Тессы так и лучится теплом. Я отворачиваюсь.

Так они нравятся друг другу? У нее ведь есть парень, тот, модельной внешности. И у Лэндона телка имеется. Или он теперь свободен? Вон как на Тессу засматривается.

Где-то посреди лекции Лэндон выходит из аудитории, и Тесса отодвигается от меня подальше.

– На этой неделе у нас «Гордость и предубеждение» Джейн Остин, – объявляет профессор Как-его-там. Тесса улыбается. Да не просто улыбается – лыбится от уха до уха.

Ну еще бы, чиксы обожают «Гордость и предубеждение». С ума сходят по Дарси.

Смотрю, как Тесса собирает вещи: огромный органайзер и кипа учебников (наверное, все учебники, доступные в нашей библиотеке). Притворяюсь, что задерживаюсь, но это чертовски трудно – если учесть, сколько Тесса копается.

Иду за ней следом. В коридоре говорю:

– Дай угадаю: ты без ума от любви к мистеру Дарси.

Грех не постебаться над ней.

– В него влюблена каждая женщина, прочитавшая эту книгу, – говорит Тесса, старательно не глядя на меня. На улице, на перекрестке она, прежде чем перейти дорогу, смотрит в обе стороны.

– Конечно, ты влюблена в него. – Я смеюсь и вдруг замечаю, что она уже почти перешла дорогу. Черт, вот ведь шустрая.

– Ты просто не в состоянии понять, чем привлекателен мистер Дарси, – пытается задеть меня Тесса.

В ночь смеюсь.

– Делать романтического героя из грубого и несносного существа? Это же глупо. Если бы у Элизабет была хоть капля мозгов, сразу его отшила бы.

Мисс Я-Сама-Гордость оборачивается и, к моему немалому удивлению, начинает хихикать. Невинно и искренне, как почти никто уже не умеет.

– То есть ты согласна, что Элизабет – дура? – дожимаю я.

– Нет, Элизабет – один из самых сильных и сложных литературных персонажей.

Она защищает Элизабет Беннет, как не стала бы защищать ни одна восемнадцатилетняя девушка. Меня разбирает искренний смех, и Тессу – тоже, а смех у нее мягкий и легкий, как пух.

Какого хрена...

Я замолкаю и отворачиваюсь.

Тесса – странная.

– Еще увидимся, Тереза. – Покидаю ее, направляясь в другую сторону.

Мягкий и легкий? Как пух? Какого хрена?! Не смей так думать!

Иду к машине. В общаге сегодня очередная туса. Надо отвлечься и забыть этот бред, забурившись в тугую влажную...

Звонок телефона отвлекает меня от извращенных фантазий. Увидев на экране имя Джейса, отвечаю сразу же.

Давненько мы с ним не виделись, здорово, что он вернулся. У каждого в жизни есть такой человек, в обществе которого чувствуешь себя лучше. Джейс козел, первостатейный урод, спросите кого угодно, и вам подтвердят, но мы с ним круто оттягиваемся.

6

Чем ближе он к ней подбирался, тем глубже хотел ее изучить. Когда вдруг стало интересно, о чем она думает по утрам или как долго разогревается, он понял, что она – не просто очередная игрушка. Их отношения перестали быть игрой, хотя в некотором извращенном смысле он был рад использовать игру как предлог быть с ней как можно чаще. Он мог узнать ее лучше, не вызывая подозрений у приятелей.

Все – ради победы.

* * *

– На фиг ей опять приходиться? – затягиваясь сигаретой, спрашивает у всех Молли.

– Тесса – соседка Стеф и по какой-то непонятной причине ей нравится, вот Стеф и таскает ее с собой, – объясняет Нэт.

– Она стерва. Охренительно наглая. – Я со стоном потираю голову. Тесса бесит меня, даже когда ее рядом нет. Молли, видимо, это нравится, и она тянется ко мне, но я успеваю отстраниться, прикинувшись, будто не понял ее намерений.

После обеда я трахал Молли, засаживал ей, думая о другой. Лапал ее бедра, полные груди. Она звала меня по имени. Потом я намотал ее розовые локоны на кулак, подумал о блондинке и сразу мощно кончил в презик. Молли потом очень гордилась, что дала мне разрядиться не в рот.

Знала бы...

– Зато она горяченькая, – добавляет Нэт.

Кто-то уже заметил, что Тесса – сексуальная?

– Горяченькая? Не, она не горяченькая, – через силу вру я.

– Она определенно секси, – на удивление уверенно заявляет Зед, проводя загорелой рукой по тщательно уложенным волосам. – Я бы трахнул ее без раздумий.

– Мечтать не вредно. Она пипец какая высокомерная. Ну кто, вообще, в колледже хранит девственность? – издевательским тоном замечает Молли.

Нэт смеется.

– И верно... а когда это вы с ней подружились и она раскрыла тебе свои тайны?

– Мне? – сердито переспрашивает Молли. – Я бы с ней и говорить не стала, зато с ней общается Стеф. Вот она, по ходу, и подслушала разговоры нашей Принцессы с ее хахалем.

– Может, у нее хронический недотрах, потому она и стерва? – говорю я, отодвигаясь от Молли.

– Придется взять это дело на себя, – пытается пошутить Зед. Никто не смеется.

– Ну-ну... при всем желании ты не сможешь, – задираю я его.

– Типа ты сможешь. У меня шансов и то больше!

Да он шутит, по ходу! Или уже забыл о своей драгоценной Саманте?

– Я что-то пропустил? – спрашивает Джейс, опускаясь на бетонку.

– У Стеф соседка – снобиха, и Зед с Хардином спорят, у кого получится ее трахнуть, – чуть не рыча, вводит его в курс дела Молли.

Зед и правда думает, что Тесса станет с ним трахаться? Они все так думают? Козлы. Если она и правда чиста, то представляю, что с ней станет от самых простеньких ласк. Она извивалась бы подо мной, прося продолжения, а с Зедом она толком не кончит.

Но отдастся ли она ему? Будь мы с ним на равных, предпочла бы его Тесса?

– Знаешь, можем добавить немного перцу, – говорю я Зеду. – Ты как?

– Смотря какого перцу, – улыбается Зед.

– Гм-м... Выясним, кто из нас двоих первым ее трахнет.
На фига я это сказал?!

Другая часть меня отвечает: будет весело.

– Ну, не знаю... – тянет Зед. Я-то думал, он с радостью примет вызов, тем более что давно на меня дуется.

– Давай, ты ж не целка, не ломайся. Попросим Стеф, чтобы она притащила соседку на следующую тусу, подружиться с ней, – объясняю для всех. – Она молодая и наивная, делов-то, как два пальца обоссать.

Я и прежде такой трюк проворачивал: правда, ставки были другие и девки тоже, но игра есть игра.

– Идиотизм, – как обычно, пыхтит Молли. – Кому далась девственность какой-то там лохушки?

– Если ты так уверен в своих силах, даю тебе неделю, – говорит Джейс и, давась дымом, передает косяк Молли.

– Неделю? Чувак, она же суперстерва, и мы уже не ладим. Давай больше.

Они еще не знают, какая эта телка упрямая. Она груба и нахальна.

– Сколько? Две недели? Короче, распечатаешь ее за месяц, и я дам тебе пятихатку, – предлагает Зед, упираясь спиной в бетонную стену.

– Пять сотен баксов? – ахнув, переспрашивает Молли. Она шлюха в том смысле, что падка на внимание окружающих, и теперь ненавидит Тессу – та украла у нее пальму первенства.

– Накину три сотки, – говорит Джейс, сверкая покрасневшими глазами. – Итого восемьсот. Думаешь, справишься?

– Конечно, справлюсь. Надеюсь только, что она потом не сойдет с ума и не станет на меня вешаться.

Сижу и думаю: может, похвастаться, как я в прошлом такие пари выигрывал? Или не надо? Ладно, не буду. Поразительно, как легко возвращается моя фирменная ухмылочка, которую Марк, мой старый приятель из Хэмпстеда, называл «скрепляющей печатью». Она играет у меня на губах всякий раз, как я предчувствую победу. И вот я ухмыляюсь, глядя на Зеда и строя в голове план игры, пока остальные ждут, что меня кто-нибудь урезонит.

– Сомневаюсь, – хохочет Нэт и закуривает.

– Она на тебя не западет. Не такая она тупая, – сердито говорит мне Зед.

Джейс со смехом смотрит на меня.

– Ладно. Правда, потом понадобится доказательство победы.

Доказательство? Это нетрудно.

– Как насчет видео? – предлагает Джейс, упираясь спиной в стену. – Мне бы кое-какой материал пригодился.

– Не, – возражаю. – Слишком рискованно.

Это мы уже проходили, и повторов мне даром не надо.

– Уж поверьте, мои доказательства вы примете. – Глядя на Зеда, я снова ухмыляюсь. – Ни разу целок не распечатывал. Наверное, прикольно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.